

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ. — Въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

22го МАЯ

№ 20.

1872 ГОДА.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

79
Цѣна за годовое изданіе 7 руб. сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

сословія, обращались не къ областному начальству, а непосредственно къ своему войсковому, со стороны котораго будутъ уже дѣлаемы сношенія по этому предмету съ начальствомъ областнымъ.

III.

Въ отмѣну сдѣланныхъ распоряженій мѣстной уѣздной администраціи о взиманіи съ проезжающихъ по частной надобности по вѣрненско-карабалтинскому почтовому тракту по 1½ коп., вмѣсто 2½ коп., за версту и лошадь, симъ объявляется, что такъ какъ установленная по кондиціямъ и условіямъ съ содержателями станцій этого тракта въ предшествовавшій періодъ, поверстная плата съ проезжающихъ по частной надобности по 2½ коп., не отмѣнялась никакими распоряженіями, то поэтому, согласно журнала Общаго Присутствія Семирѣченскаго Областнаго Правленія, 26 марта состоявшагося, количество поверстной платы по означенному тракту остается прежнее, т. е. по 2½ к. за версту и лошадь.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬ- НЫЙ.

Пять дней въ Коканѣ.

(Отрывки изъ дневника).

Мы помѣстили въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ (*) нѣсколько интересныхъ подробностей о пребываніи въ Коканѣ посольства, сопровождавшаго принца Ханъ-Заде. Помѣщаемъ теперь отрывки изъ дневника, веденнаго въ это время г. Ибрагимовымъ. Въ этихъ отрывкахъ весьма наглядно рисуется жизнь и нравы азіятцевъ, вкусы и привычки того кружка, который окружаетъ хана; рельефно выдается въ нихъ и личность Ханъ-Заде, уже во многомъ отрѣшившагося отъ того узкаго круга понятій, который присущъ среднеазіятцу. Отрывки изъ дневника заключаютъ въ себѣ только подробности послѣднихъ пяти дней пребыванія нашего посольства въ Коканѣ.

28 февраля.

Сегодня по утру намъ сообщили, что ханъ поручилъ своему сыну, Ханъ-Заде устроить для насъ «балъ» въ одномъ дворцѣ. Мы пріѣхали въ 8 часовъ вечера. На площади, передъ дворцемъ, кругомъ мѣста, гдѣ должно было происходить представленіе, уже толпилось множество народа. Въ разныхъ мѣстахъ внутри круга горѣли костры и густой дымъ отъ нихъ стлался въ морозномъ воздухѣ, словно черная туча. Трубы нестройно гудѣли; мальчики-бачи вертѣлись, гдѣ-то было слышно пѣніе... Все это, сливаясь въ одинъ глухой гулъ, было для насъ ново и неожиданно. Въ числѣ зрителей были и женщины; инныя изъ нихъ стояли на арбахъ. Мы объѣхали толпу народа, чтобы подъѣхать верхомъ къ самому дворцу: иначе приходилось бы пробираться въ толпѣ и проходить мимо пляшущихъ мальчиковъ и ихъ поклонниковъ, толпившихся тѣсною кучею и ни на что не обращающихъ вниманія, кромѣ плясунювъ.

Проезжая мимо толпы, я съ удивленіемъ замѣтилъ внутри круга огромную статую; на мой вопросъ, мнѣ сказали, что это изображеніе Урустема (Рустемъ), и что эту и еще нѣкоторыя другія статуи постоянно выносятъ при народныхъ празднествахъ.

Мы подъѣхали близко съ правой стороны дворца и вошли въ кругъ. На дѣло отъ насъ возвышалась огромная и довольно неуклюжая статуя Урустема; мы прошли мимо ея, не останавливаясь и на этотъ разъ мнѣ не удалось разсмотрѣть ее хорошенько. На право сидѣли въ лодкахъ (***) мальчики — вѣроятно отдыхали послѣ пляски. Около каждаго изъ нихъ сидѣли на корточкахъ, съ самыми умильными лицами, ихъ обожатели, по одному, по два, по три, подавали своимъ любимцамъ чай, любезничали съ ними и по временамъ заливались самымъ откровеннымъ смѣхомъ. Хана на праздникъ не было — онъ еще не выходилъ изъ своей семейной половины, но обѣщалъ быть непременно. Султанъ-Мурадъ-бекъ (братъ хана) сидѣлъ на террасѣ, впереди двухъ небольшихъ комнатъ, гдѣ обыкновенно готовятъ чай для хана. Мы поздоровались съ нимъ и пошли во дворецъ, гдѣ ждалъ насъ Ханъ-Заде; (въ этой же комнатѣ принималъ насъ ханъ на второй день нашего пріѣзда).

Пріемная хана представляетъ смѣсь азіятской пестроты съ европейскимъ комфортомъ, но преобладающій элементъ въ

ней — европейскій; азіятскаго осталось очень немного: пестро раскрашенный потолокъ и ниша въ передней стѣнѣ, мягко устланная коврами, одѣялами и подушками. На стѣнѣ висѣло большое зеркало, а передъ нимъ — круглый столикъ, на которомъ стоялъ канделябръ, съ зажженными стеариновыми свѣчами. На право и на лѣво отъ двери висѣли еще два небольшихъ зеркала; кругомъ стѣны разставлены были буковья, гнутыя стулья, а на столикахъ въ разныхъ мѣстахъ горѣли лампы. Ханъ-Заде сидѣлъ въ креслѣ. Увидя насъ, онъ всталъ, подошелъ къ намъ и весьма любезно поздоровался, спрашивая по русски: (*) «какъ ваше здоровье; здоровъ ли?» Б. М. отвѣчалъ, что ему не очень здоровится; принцъ тотчасъ же перемѣнился въ лицѣ и сталъ заботливо спрашивать: чѣмъ онъ болѣнъ? Б. М. успокоилъ его, говоря, что болѣзнь не представляетъ ничего серьезнаго, и что онъ переносилъ и не такія болѣзни.

Кромѣ Ханъ-Заде, въ той же комнатѣ сидѣли сыновья Султанъ-Мурадъ-бека, мехтеръ и еще какіе-то тучные старики. Черезъ нѣсколько времени въ комнату вошли также бачи и усѣлись на стульяхъ; двое изъ нихъ сѣли рядомъ съ Ханъ-Заде.

Подали чай въ стаканахъ, (***) со сливками и безъ нихъ (подражаніе тому, что Ханъ-Заде видѣлъ на вечерахъ у генералъ-губернатора). Поставить стаканы было некуда; Ханъ-Заде замѣтилъ это и придвинулъ намъ столикъ. Онъ самъ не куритъ, но для насъ принесъ папиросницу съ папиросами. «Что же вы сидите молча», обратился ко мнѣ Ханъ-Заде; «надобно шутить съ мальчиками, занимать ихъ.»

Я не чувствовалъ ни малѣйшаго желанія разыгаться въ любезностяхъ предъ избалованными мальчуганами; однако надобно было поддѣлываться подъ общее настроеніе — въ мысляхъ у меня промелькнула поговорка: «въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся.» О чемъ было говорить съ ребятишками?.. Не долго думая, я спросилъ у ближайшаго ко мнѣ бачи, какъ его зовутъ? — «Что вы сказали ему?» съ любопытствомъ спросилъ Ханъ-Заде, слѣдившій за мною глазами. «Обратите вниманіе на другаго сосѣда вашего, продолжалъ принцъ; «второй,» прибавилъ онъ по русски, и улыбнулся, наивно радуясь своему знанію русскаго языка. Я откровенно сказалъ, что ни одинъ изъ мальчиковъ мнѣ не нравится и что тѣ, которые плясали въ лодкахъ, гораздо красивѣе.

— «Нѣтъ, эти мальчики хотя и не такъ красивы собою, зато хорошо поютъ», отвѣчалъ мнѣ Ханъ-Заде; «а о тѣхъ ты лучше и не говори, не раскрывай нашего подола». Послѣднее выраженіе, уже слишкомъ фигуральное, можно перефразировать такъ: «не обнаруживай нашихъ секретовъ, нашихъ домашнихъ дѣлъ».

Мало по малу разговоръ оживился; я увѣрялъ бачей, что никогда въ Ташкентѣ не видѣлъ такихъ красавцевъ; всѣ шутили, смѣялись. Ханъ-Заде старался поддержать общее одушевленіе и послалъ за музыкантами. Вскорѣ въ комнатѣ заиграли, или вѣрнѣе — завыла музыка и на средину комнаты вышелъ мальчикъ, лѣтъ 14 или 15. Это былъ, какъ оказалось, самый лучшій изъ танцоровъ-бачей. Дѣйствительно, нельзя было не любоваться ловкими движеніями мальчугана. Его смѣнили три мальчика, одѣтые въ женское платье; одинъ изъ нихъ вышелъ только по убѣдительной просьбѣ Ханъ-Заде. Мальчики плясали и пѣли... За тѣмъ слѣдовала пляска другихъ бачей. Всѣ ихъ пляски были однако же довольно однообразны, а потому, подъ конецъ вечера, стали уже немного надоедать намъ. Доморощенные акробаты, ходившіе на рукахъ, внивъ голову, конечно, еще менѣе могли привлечь наше вниманіе. Пляски бачей отличались крайнѣйшѣй оригинальностью, здѣсь же и того не было!

Часовъ въ 12 подали ужинъ и всѣ сѣли за столъ, сервированный совершенно по европейски. Нѣкоторые изъ туземцевъ сначала съ недоумѣніемъ поглядывали на незнакомыя имъ кушанья; но видя, что Ханъ-Заде не отказывается отъ ужина, они сочли за лучшее также послѣдовать его примѣру.

Вскорѣ послѣ ужина мы простились съ любезнымъ хозяиномъ и уѣхали домой. Когда мы выходили изъ дворца, у воротъ стоялъ уже кабриолетъ Ханъ-Заде (подарокъ г. генералъ-губернатора). Вскорѣ онъ проѣхалъ мимо насъ, любезно раскланиваясь съ нами. Свита принца сопровождала его верхомъ, освѣщая фонарями дорогу.

29 февраля.

Сегодня съ утра опять началось празднество на дворцовой площади: по программѣ увеселеній, сегодня должно было происходить акробатическое представленіе на канатѣ. Мы пріѣхали въ половинѣ перваго часа, а чрезъ полчаса пріѣхалъ на площадь и Ханъ-Заде, на красивомъ англій-

(*) Войсковой старшина Борисъ Морицовицъ фонъ-Бергъ.

(**) Туземцы обыкновенно пьютъ чай изъ чашекъ, въ родѣ китайскихъ, безъ ручекъ.

(*) Турк. Вѣд., № 16.

(**) Мы уже говорили въ 16 № Турк. Вѣд., въ статьѣ: «Русское посольство въ Коканѣ», что здѣсь, при пляскахъ бачей, есть мѣстная особенность: бачи пляшутъ въ лодкахъ, или вѣрнѣе: съ картонными лодками, которыя пляшущій мальчикъ держитъ руками; чтобы ноги пляшущаго не были видны, лодку покрываютъ кускомъ матеріи, спускающейся до земли.

скомъ сѣдлѣ; это сѣдло и мундштукъ онъ вывезъ изъ Ташкента. Одѣтъ онъ былъ въ суконный, татарскій бешметъ; сверху, на распашку, надѣтъ былъ черный, суконный халатъ. Предствленіе началось тотчасъ же по прѣздѣ Ханъ-Заде.

Описывать это акробатическое представленіе—не стоить: оно было несколько не занимательно и я съ нетерпѣніемъ ждалъ вечера, чтобы посмотреть поближе на статую Урустема. Б. М. опять чувствовалъ себя въ этотъ вечеръ нездоровымъ, и я похвалъ одинъ на площадь, полюбоваться на томашу.

Толпа, какъ и вчера, наполняла площадь; опять гремѣла музыка, горѣли разложенныя костры, ракеты въ разныхъ мѣстахъ поднимались на воздухъ. Издали приближалась къ площади какая то потѣшная процессія: сначала шли музыканты и пѣвцы, голосившіе довольно нескладно; за ними несли елку, украшенную цвѣтами. Далѣе шли бачи въ лодкахъ, украшенныхъ фонарями; рядомъ съ ними, защищая ихъ отъ напавшей толпы любопытныхъ зрителей, пробирались ихъ обожатели, нашептывая разные комплименты. За ними шли другіе бачи, одѣтые въ женское платье и несли въ рукахъ палки съ привязанными къ нимъ ракетами; это были, какъ мнѣ объяснили, бачи самаго хана. Потомъ слѣдовали бачи Султанъ-Муратъ-бека, бачи Ханъ-Заде, и т. д... Опять послышалось пѣніе: за бачами, длинной процессіей шли «бѣлоголовые», т. е. люди въ бѣлыхъ чалмахъ. Сначала я принять ихъ за муллъ, но потомъ оказалось, что это были *дуваны* (юродивые). За дуванами, которые то шли, то останавливались, не переставая однако пѣть, несли огромную статую человека въ остроконечномъ, высокомъ колпакѣ, сидящаго верхомъ на слонѣ. Я не могъ добиться, что изображаетъ эта странная фигура.

— «Гдѣ же статуя Урустема?» спросилъ я; «сейчасъ и ее повезутъ», отвѣчали мнѣ. Дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя, опять послышалось пѣніе, и прошли по нѣсколькимъ человекъ въ рядъ «бѣлоголовые», окруженные толпой народа. За ними везли статуи Урустема и его жены. Урустемъ былъ одѣтъ въ пестрый халатъ; на головѣ у него была остроконечная шапка, въ рукахъ палка, съ прикрѣпленнымъ на верху, движущимся шаромъ. Голова Урустема также поворачивалась въ стороны. Лице статуи, изображавшей жену Урустема, имѣло совершенно монгольскій типъ; въ одну изъ ея ноздрей продѣто было серебряное кольцо—такія украшения и понюжъ еще встрѣчаются у нѣкоторыхъ киргизскихъ женщинъ. Оба изображенія оставлены на площади, которая была уже освѣщена факелами и кострами, разложенными въ разныхъ мѣстахъ. Въ это время кто-то сказалъ мнѣ, что ханъ вышелъ и заветъ меня къ себѣ. Я подошелъ къ хану.

Ханъ спросилъ прежде всего почему не прѣхалъ на праздникъ Б. М. и не захворалъ ли онъ еще сильнѣе? «Вѣроятно у васъ, въ комнатахъ слишкомъ жарко tonight печи каждый день», продолжалъ ханъ; «а можетъ быть ему вреденъ здѣшній климатъ или вода? Меня очень беспокоитъ его болѣзнь; я бы хотѣлъ видѣться съ нимъ каждый день. Какъ вы думаете: скоро ли онъ поправится?» Я отвѣчалъ, что Б. М. вѣроятно будетъ совершенно здоровъ черезъ день или черезъ два, и что болѣзнь его не опасная. «Дай Богъ!» продолжалъ ханъ; «ну, а вы любуетесь нашимъ праздникомъ? Видѣли вы нашихъ джувановъ? (такъ ханъ называлъ мальчиковъ-бачей). Садитесь и полюбуйтесь ими еще разъ, только не разбраните насъ въ вашей газетѣ», прибавилъ ханъ, улыбаясь; «вы, какъ мусульманинъ, поддержите насъ: хорошее преувеличите, а дурное уменьшите».

Я сѣлъ рядомъ съ Султанъ-Муратъ-бекомъ, братомъ хана; въ это время подошли къ террасѣ двѣнадцать бачей съ лодками; ханъ кивнулъ имъ головою и они сѣли. Начался дуэтъ, въ азіатскомъ вкусѣ, т. е. съ полнымъ отсутствіемъ какой бы то ни было гармоніи. Пѣніе впрочемъ продолжалось не очень долго; сущность игры заключалась не въ этомъ пѣніи, которое служитъ только какъ бы прелюдіей, а въ пляскѣ бачей, если только можно назвать пляскою быстрыя и отрывистыя движенія мальчиковъ-бачей. Тѣло-движенія, иногда граціозныя, а чаще всего—нескромныя, и жестукація обыкновенно составляютъ всю суть пляски бачей въ другихъ мѣстностяхъ Средней Азіи; въ Коканѣ же пляшущіе бачи поддерживаютъ руками у пояса картонную лодку и слѣдовательно, не могутъ прибѣгать къ жестамъ. Искусный бача долженъ уметь быстро и ловко кружиться на одномъ мѣстѣ. Мальчики по-двое подходили къ террасѣ, на которой сѣдѣлъ ханъ, кружились по одиночкѣ и потомъ, сѣдѣвъ почтительный поклонъ, отходили. Нѣкоторые, отойдя на нѣсколько шаговъ, садились на небольшой табуретъ, прикрѣпленный снизу къ лодкѣ; тогда два старика, стоявшіе тутъ же, съ палками въ рукахъ, потѣшно подбѣгали и показывали видъ,

какъ будто они сталкиваютъ вставшую на мель лодку. Это повторялось раза два или три, и зрители каждый разъ внимательно слѣдили за этою полуреблочною потѣхой. Наконецъ—въ мѣду благополучно потѣхены; бачи встали въ рядъ и по-парно прошли мимо хана кругомъ площади. Мѣсто ушедшихъ бачей заняли тотчасъ же другіе 12 мальчиковъ, и т. д.

Всѣхъ бачей, какъ говорилъ мнѣ Султанъ-Муратъ-бекъ, болѣе 60. Я поинтересовался узнать: откуда коканскіе переняли пляску бачей въ лодкахъ, вовсе незнакомую въ другихъ мѣстахъ Средней Азіи, и Султанъ-Муратъ-бекъ разсказалъ, что это «нововведеніе» сдѣлано по приказанію хана, въ подражаніе китайскимъ танцамъ. Купцы, бывавшіе въ Китаѣ, разсказывали хану, что тамъ зимою пляшутъ на льду танцовщицы, съ лодками у поясовъ, и ханъ, любитель всевозможныхъ увеселеній, нашелъ необходимымъ ввести подобныя же пляски и въ своей странѣ, замѣнивъ только танцовщицъ бачами.

На площади замѣтилъ я, между прочимъ, устроенную карусель и съ удивленіемъ узналъ, что она предназначена для музыкантовъ! Туземные виртуозы садятся въ особую устроенную мѣста, въ нѣсколько рядовъ, одинъ выше другаго, и играютъ, кружась на карусели. «Музыка эта прелесть, какъ хороша!» увѣрили меня коканскіе меломаны.

Часовъ въ девять я простился съ ханомъ и уѣхалъ домой. На вопросъ хана: «отчего вы такъ рано уѣзжаете?» я отвѣчалъ, что Б. М. остался дома одинъ, и, вѣроятно, скучаетъ. «Кланяйтесь ему отъ меня и пожелайте скораго выздоровленія,» промолвилъ ханъ, подавая мнѣ руку.

Я еще намѣренъ былъ въ этотъ вечеръ навѣстить одного знакомаго коканскаго купца, Миралимъ-хаджи, и потому прямо съ праздника заѣхалъ къ нему, въ домъ. Признаюсь, я никакъ не ожидалъ встрѣтить также и въ домѣ этого купца, совершенно русскую обстановку. Буквы стулья, зеркала, превосходныя, гладкія, чинаровыя двери, занавѣски на окнахъ, портѣры—все это напоминало мнѣ гостиную какого нибудь зажиточнаго русскаго семейства. На стѣнахъ не было и слѣдовъ тѣхъ пестрыхъ узоровъ и украшеній, какіе встрѣчаются въ домахъ богатыхъ азіатцевъ. Все было просто, но очень мило и изящно.

Подали кофе, завели органчикъ, вывезенный хозяиномъ изъ Ташкента; между тѣмъ въ комнатѣ, гдѣ мы сѣдѣли, давно уже происходили какія-то, непонятныя для меня, приготовления: принесли двѣ невывѣсти постели, и поставили ихъ посреди комнаты, рядомъ, въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой; постлали одѣяла, подушки, а между кроватями поставили низенькій столикъ. Я рѣшительно не понималъ: къ чему ведутъ всѣ эти приготовления и замѣтилъ хозяйну, что мы не можемъ остаться у него ночевать. Тотъ молча улыбулся и продолжалъ хлопотать около кроватей; наконецъ онъ принесъ тонкую свѣчку, баночку съ какой-то густой, черной и вязкой массой, спички и двѣ небольшія трубки съ длинными и тонкими, какъ карандашъ, чубуками. Изъ такихъ трубочекъ курятъ опиумъ и я тогда только понялъ, что хозяинъ хотѣлъ имъ угостить насъ. Я, конечно, отказался отъ этого удовольствія, но другой гость, какой-то коканскій купецъ, съ удовольствіемъ взялъ предложенную ему трубку и улегся въ постель. Опіумъ курятъ, какъ извѣстно, не иначе, какъ лежа на боку (*). Когда хозяинъ и гость выкурили по одной трубкѣ, они перемѣнились мѣстами: гость легъ въ постель хозяина, а хозяинъ—въ постель гостя, и оба выкурили еще по одной трубкѣ. Полежавъ немного, оба курильщика встали и уступили свое мѣсто другимъ гостямъ. Густой и ѣдкій, съ какимъ-то неопредѣленнымъ, сладковатымъ запахомъ, дымъ опиума наполнилъ всю комнату и неприятно раздражалъ нервы. Я чувствовалъ, что у меня начинаетъ какъ будто кружиться голова и стучало въ вискахъ,—или можетъ быть это было только слѣдствіемъ воображенія. Какъ бы то ни было, но только я былъ очень радъ, когда кончилось куренье и «освѣжившіеся опиумомъ» хозяинъ и гости сѣли ужинать.

Ужинъ поданъ былъ на столѣ, а не на коврѣ, разостланномъ на полу, какъ принято во всей Азіи. вмѣсто вина, принесли лимонадъ, а къ жаркому—капусту, какъ салатъ. Хозяинъ разсказалъ мнѣ, что онъ прошлую осень посолил огурцы, но они всѣ испортились, по неимѣнію хорошаго ледника. Въ нынѣшнемъ году, какъ онъ надѣется, опытъ будетъ удачнѣе.

Миралимъ-хаджи много разсказывалъ мнѣ о младшемъ сынѣ хана, Урманбекѣ: ему только 6 лѣтъ, но говоритъ онъ и судитъ о всемъ, какъ взрослый. Доброта Урманбека извѣстна всемъ въ городѣ. Если онъ узнаетъ, что кто нибудь прови-

(*) Иначе куренье опиума производитъ сильную головную боль. Для той же цѣли опиумъ, прежде чѣмъ положить его въ трубку, сначала обжигаютъ слегка на свѣчкѣ.

нился и приговоренъ къ казни, то идетъ къ виновному и спрашиваетъ: «раскаевается ли онъ и даетъ ли обѣщаніе исправиться?» Тотъ конечно, клянется и упрашиваетъ вымолить ему прощеніе, хорошо зная, что ханъ любитъ своего сына и ни въ чемъ ему не отказывается. Тогда Урманбекъ идетъ къ отцу и становится передъ нимъ, сложивъ руки на груди. На вопросъ хана: «что ему нужно?» Урманбекъ отвѣчаетъ: «рабъ вашъ, таксыръ (*) кается въ сдѣланныхъ грѣхахъ и проситъ прощенія». Если ханъ не соглашается простить виновнаго, Урманбекъ начинаетъ просить отъ себя, отъ своего имени и до тѣхъ поръ не отходитъ отъ отца, пока не вымолитъ прощенія обвиненному. Многихъ въ Коканѣ Урманбекъ избавилъ отъ казни.

Разсказалъ мнѣ также Миралимъ-хаджи, что старика Исса-аудіе, сопровождавшаго Ханъ-Заде, во время повѣздки принца въ Ташкентъ, постигло горе: у него умерла мать. Когда ханъ узналъ объ этомъ, то послалъ къ нему на домъ всѣхъ своихъ бачей; плясуны на этотъ разъ должны были играть другую роль—плакальщиковъ. Имъ приказано было все время громко плакать и восклицать: «о моя мать, моя мать!»

1-го марта.

Сегодня назначены похороны умершей старухи (матери Исса-аудіе) и мнѣ непременно хотѣлось посмотреть на здѣшніе похоронные обряды. Пока сѣдлали мою лошадь, пришли сказать мнѣ, что на похоронахъ будетъ самъ ханъ и всѣ его сановники. Я поторопился одѣться, и выходя изъ дверей дома, какъ разъ встрѣтился съ ханомъ, который въ это время ѣхалъ къ аудіе. Ханъ остановился, спросилъ о здоровьѣ Б. М. и о томъ: «можетъ ли онъ сегодня быть за городомъ, на скачкѣ?» Я отвѣчалъ утвердительно. Ханъ-Заде, ѣхавшій вслѣдъ за отцемъ, ласково кивнулъ мнѣ головой и спросилъ по русски: «какъ ваше здоровье?»

Я однако же опоздалъ на похороны; когда я пріѣхалъ, всѣ погребальныя обряды уже кончились и оставалось только опустить старуху въ могилу. Черезъ полчаса я былъ уже дома.

Въ половинѣ двѣнадцатаго я и Б. М. отправились на байгу (скачку) (**); лошади еще наканунѣ вечеромъ отправлены были за 4 таша (32 версты), на то мѣсто, откуда онѣ должны скакать. Когда мы пріѣхали на мѣсто скачки, хана тамъ не было: онъ уѣхалъ на полъ-версты впередъ, на встрѣчу скакунамъ. Призы уже были приготовлены и лежали въ кучѣ: тутъ же стояла красная суконная кибитка и возлѣ нея сидѣлъ на верблюдѣ мальчикъ, лѣтъ 16—17, въ красномъ халатѣ, красной шапкѣ и красныхъ сапогахъ. На другомъ верблюдѣ сидѣла дѣвочка, лѣтъ 12—13, также назначенная въ призъ. Еще далѣе стояли осѣдланные и неосѣдланные лошади, верблюды, коровы для призовъ; всѣхъ призовъ было 40. Призы вообще были весьма богатые, но особенно богатъ былъ первый призъ: онъ состоялъ изъ: 1 гулямъ (мальчикъ невольникъ) 1 чури (невольница), 1 большая ямба, въ 120 р., 1 суконная кибитка, 1 арабскій коверъ, 2 кипчакскіе ковры, 3 одѣяла, 9 фарфоровыхъ блюдецъ и 9 чашекъ, 1 лошадь съ золотымъ приборомъ и шитой серебромъ попоной, 2 верблюда, 2 связки халатовъ, 25 разныхъ вещей, какъ-то: кунгановъ (чайниковъ), подносовъ, блюдецъ, котловъ, и т. п. Второй призъ былъ также богатъ. Недурны были и всѣ остальные призы; напр. послѣдній, сороковой призъ состоялъ изъ: трехъ халатовъ (полу-шелковый, ситцевый и алачевый), 1 барана и 1 козла. Какъ видно, Султанъ-Мурадъ-бекъ не поскупился, чтобы сдѣлать скачку вполне блестящею по цѣнности призовъ.

Насъ посадили на мѣсто, гдѣ обыкновенно сидитъ ханъ, когда байга происходитъ въ его присутствіи. Тутъ же, неподалеку отъ насъ, помѣстился одинъ авганецъ, бѣжавшій давно тому назадъ подъ покровительство Хана-Хазрета. Въ толпѣ, передъ нами часто пробѣгали мальчики, въ черныхъ кафтанахъ съ краснымъ воротникомъ, иные—въ бараньихъ шапкахъ, другіе—просто въ тибетейкахъ; мнѣ объяснили, что это мальчики—рабы, вывезенные изъ сосѣднихъ земель, большею частью калмыченки и киргизенки.

Толпа собравшагося народа терпѣливо ждала, когда вдали покажутся скакуны. Дорога была очищена и по ней одиноко расхаживалъ коканскій курбаши (полицейскій чиновникъ) съ палкою въ рукахъ; по временамъ онъ отдавалъ какія-то приказанія сарбазамъ—часовымъ, которые съ ружьями въ рукахъ, наблюдали за тишиною и порядкомъ въ народѣ. Долгое ожиданіе, какъ видно, прискучило уже многимъ, и они напряженно всматривались вдаль по дорогѣ.

Наконецъ вдалекѣ показался кто-то на бѣлой лошади: это былъ гонецъ, извѣстив-

(*) Государь.

(**) Скачка эта называлась *куна-байга*, т. е. скачка съ ночлегомъ, потому что лошади—скакуны еще наканунѣ отправлены были на сборное мѣсто, откуда должны были скакать, и тамъ провели ночь.

шій, что скакуны уже близко. Народъ шумѣлъ, заволновался; часовые - сарбазы едва могли сдерживать напиравшую на дорогу толпу. Гонецъ торопливо сталъ раздавать верховымъ палочки, съ прирѣзанными къ нимъ закумерованными билетиками. Эти билетики они должны были передавать по порядку каждому изъ прискакавшихъ мальчиговъ; иначе, въ общей сумятицѣ, рѣшительно невозможно разобрать: которая лошадь пришла первою, которая второю, третью, и т. д.

Наконецъ показались и скакуны; мимо насъ, на красивомъ, легкомъ аргамакѣ, промчался мальчуганъ, крича ослепшимъ голосомъ имя хозяина лошади. Крика его рѣшительно невозможно было разобрать, среди шума, говора народа и конскаго топота, но многие узнали тотчасъ же, что это ханская лошадь. Черезъ нѣсколько минутъ показался второй и третій скакунъ. «Ханъ-Хазретъ! Ханъ-Хазретъ!» кричали прискакавшіе мальчишки.... Оказалось, что первый, второй и третій призъ—достались хану, что, впрочемъ нѣсколько не удивительно; конечно, ханскія лошади лучше другихъ. Четвертый и пятый призъ выигралъ Султанъ-Муратъ-бекъ, братъ хана; шестой и седьмой—Урманбекъ. Всѣ призы были отъ Султана-Муратъ-бека, который и дѣлалъ байгу для удовольствія хана.

Когда главные скакуны уже были у барьера, показался вдали самъ ханъ; съ своею свитою. Важныя особы, въ числѣ ихъ Ханъ-Заде, шли за нимъ пѣшкомъ. Ханъ весьма ласково поздоровался съ Б. М., спросилъ: «совсѣмъ ли онъ оправился» и пожелалъ никогда болѣе не хворать этой болѣзью. «Подождите меня здѣсь», промолвилъ ханъ, «я пойду помолюсь».

Мы вошли въ кибитку и посидѣли въ ней немного; когда мы вышли, ханъ уже окончилъ свой намаазъ и выбиралъ скакуновъ для слѣдующей байги.

Праздникъ кончился представленіемъ маскарабазовъ (шутовъ или ряженыхъ). Ихъ кривлянье, шутки и остроты сильно занимали всю собравшуюся публику; вся соль представленія собственно заключалась не въ сущности представляемой сцены, а въ тѣхъ грязныхъ, непозволительныхъ словахъ, къ которымъ по минуту прибѣгали маскарабазы. Всѣ отъ души хохотали, слушая сальную брань играющихъ; только одинъ Ханъ-Заде смотрѣлъ серьезно и видимо не раздѣлялъ восторга толпы...

2-го марта.

Сегодня, пользуясь свободнымъ временемъ, я отправился посмотреть загородный ханскій садъ, Авганъ-багъ, который мнѣ очень расхвалили; садъ этотъ находится въ 1 или 1½ верстахъ отъ города. Подъ садомъ занято 400 танаповъ земли.

Мимо небольшого навѣса для караульныхъ, вошелъ я въ ворота, или вѣрнѣе—въ калитку, ведущую въ садъ. Меня интересовало осмотрѣть прежде всего лѣтнее жилище хана. Къ удивленію моему, я не нашелъ въ немъ не только никакой роскоши и изящества, но даже и того неизысканнаго комфорта, который встрѣчается въ мусульманскихъ домахъ Средней Азіи. Я видѣлъ приемную хана, небольшую комнату, съ четырехъ-угольнымъ углубленіемъ по срединѣ, для раскладываемаго огня, и съ небольшимъ отверстіемъ наверху, для выхода дыма. Въ этой комнатѣ ханъ даетъ аудіенціи, сидя у окна; представляющіеся хану стоятъ въ это время на дворѣ, противъ оконъ. Слѣдующій дворикъ ведетъ въ *ичкари*, т. е. женскую половину, куда, конечно, я не пытаюсь заглядывать.

Загородный садъ хана очень тѣнистъ и лѣтомъ представляетъ превосходное убѣжище отъ азиатскихъ, палищихъ жаровъ. Мнѣ показывали мѣсто, гдѣ былъ засѣянъ, для пробы, американскій хлопокъ. Сѣмяна этого хлопка были присланы хану изъ Ташкента. Къ сожалѣнію, первый опытъ былъ неудаченъ: посѣянный и уже взшедшій хлопокъ посохъ, вѣроятно отъ недостаточно хорошаго ухода.

Названіе свое: Авганъ-багъ, садъ получилъ, какъ мнѣ объяснили, потому, что находится вблизи Авганъ-магалля (авганскаго квартала); кромѣ этого сада, у хана есть еще другіе сады, не менѣе тѣнистые и прохладные. Вообще, на сколько я могъ замѣтить, растительность въ Коканѣ роскошная; долина Фергана издавна славилась своимъ плодородіемъ и климатъ здѣсь мягче, чѣмъ, напрямѣръ, въ Ташкентѣ; по крайнѣйшей мѣрѣ всѣ плоды поспѣваютъ здѣсь недѣлю или двумя ранѣе, чѣмъ въ Ташкентѣ, а виноградъ никогда не закрываютъ на зиму.

3-го марта.

Сегодня окончательно опредѣлился день нашего отъѣзда: мы ѣдемъ завтра, рано по утру. Прощальные визиты хану, его брату, Султанъ-Муратъ-беку и сыну, Ханъ-Заде не долго насъ задержали. Прощаясь съ Б. М., ханъ еще разъ подтвердилъ, что онъ очень доволенъ нашимъ пріѣздомъ въ Коканъ. «Благодарю, отъ всей души благодарю генерала - губернатора, за то, что онъ прислалъ васъ», говорилъ ханъ;

«онъ доказалъ этимъ свою дружбу, а дружба—дороже всего на свѣтѣ. Вещи, подарки ничего не значутъ; дороги пріатели, которыхъ не найдешь ни за какія деньги. Кланяйтесь генералъ-губернатору; скажите, что я желаю ему здоровья. Не всякій можетъ доказать на дѣлѣ свою дружбу, а онъ доказалъ ее. За это я его благодарю всегда буду ему признателенъ. Теперь два государства (Россія и Коканъ) будутъ, какъ одно; пусть оба они равно благоденствуютъ. Кланяйтесь отъ меня генералъ-губернатору», заключилъ ханъ, пожимая руку Б. М.

Прощальная аудіенція наша продолжалась не долго. Тутъ же, во дворцѣ ждали насъ Султанъ-Муратъ-бекъ, Ханъ-Заде, и всѣ важнѣйшія лица ханства: Атабекъ, мехтеръ, набѣй, Сарымсакъ-удайчи, и другіе. Въ сборахъ и приготовленіяхъ къ отъѣзду, день прошелъ совершенно незамѣтно...

И. И. Ибрагимовъ.

По поводу хивинскаго посольства.

Въ *Биржесв. Вѣдом.* пишутъ: «по газетнымъ извѣстіямъ видно, что ханъ хивинскій отправилъ въ Петербургъ посланниковъ съ подарками. Цель этого посольства, какъ слышно,—заключить дружественныя сношенія съ нашимъ правительствомъ, и, повидимому, предупредить сильныя мѣры съ его стороны противъ Хивы.

Но это дружественное посольство уже далеко не первое. Посольства эти, по большей части, бывали въ то самое время, когда дерзости Хивы заходили за предѣлы всякой мѣры противъ Россіи, т. е. тогда, когда хивинцы видѣли близость заслуженной кары. Такъ было и до похода въ Хиву графа Перовскаго, и послѣ этого похода.

Что именно вынудило къ походу графа Перовскаго въ 1839 году? Грабежи каравановъ, захватъ русскихъ въ рабство, невыполненіе условий. Между тѣмъ посольства и въ то самое время были не рѣдки, и всѣ они заключались въ дружественныхъ обмѣнахъ учтивостей. По имѣвшимся тогда свѣдѣніямъ (въ 30-хъ годахъ) въ Хивѣ находилось болѣе 2,000 человекъ русскихъ въ неволѣ. Плѣнники русскіе продавались въ Хивѣ на базарахъ. Нечего и говорить, какъ варварски поступало съ ними невѣжественное племя хивинскихъ узбековъ.

Вельдствие всего этого, Россія не оставалась ничего, какъ принять мѣры рѣшительныя послѣднія. Въ то же время и бухарскій эмиръ, чрезъ посла, просилъ русское правительство о томъ, чтобы положить предѣлы дерзостямъ хивинцевъ.

До 1836 года съ Хивою о возвращеніи русскихъ плѣнныхъ были только одни переговоры чрезъ ихъ посланцевъ; поступить же болѣе рѣшительно не было возможно, потому что событія 1830—1832 гг. отвлекли вниманіе русскаго правительства на западъ. И только лѣтомъ 1836 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о задержаніи, какъ на оренбургской и сибирской линіяхъ, такъ и въ Астрахани, всѣхъ хивинцевъ, съ тѣмъ, чтобы они были освобождены не прежде, какъ по удовлетвореніи всѣхъ справедливыхъ требованій Россіи.

По повелѣнію этому, было задержано живущихъ въ Оренбургѣ 390 и въ Астрахани 182 человекъ хивинцевъ. Спустя четыре мѣсяца, послѣ разныхъ посольствъ и гонцовъ, ханъ хивинскій рѣшился возвратитъ русскихъ плѣнныхъ, но возвращено ихъ было только 25 человекъ,—и то потому только, что всѣ они были люди престарѣлые, прожившіе къ невольничеству по 30 и 40 лѣтъ, т. е. люди для хивинцевъ ни къ чему болѣе не годные. вмѣстѣ съ возвращеніемъ 25 человекъ, были предложены богатые дары, состоявшіе въ цѣнныхъ аргамакахъ, въ роскошной конской сбруѣ и драгоценныхъ шаляхъ, но эти подарки были отвергнуты и возвращены хивинцамъ за печатами. За возвращенныхъ изъ неволѣ 25-ти русскихъ невольниковъ немедленно освобождено было 5 хивинцевъ. Въ 1838 году хивинскими посланцами были вывезены еще пять русскихъ плѣнныхъ; въ августѣ 1839 года снова прибыли послы хивинскіе съ 80 русскими плѣнными. Причину, побудившую хивинцевъ возвратитъ этихъ несчастныхъ 80 человекъ, были дошедшія туда извѣстія объ основаніи на рр. Эмбѣ и Акъ-Булакѣ русскихъ укрѣпленій, что для хивинцевъ казалось сигналомъ о воинскомъ походѣ на Хиву. Между тѣмъ въ то же время хивинцы старались какъ можно болѣе захватить русскихъ, для обмѣна задержанныхъ собратьевъ.

Дерзости Хивы въ это время превзошли всякую мѣру. Чтобы положить наконецъ предѣлы имъ и избавить значительное число русскихъ плѣнныхъ, была снаряжена въ 1839 году военная экспедиція противъ Хивы, подъ личнымъ начальствомъ начальника Оренбургскаго края, графа Перовскаго. Цѣлью экспедиціи было: освободитъ плѣнныхъ, смѣнитъ хана и замѣнитъ его надежнымъ султаномъ киргизскимъ, упрощить, по возможности, порядокъ и дать

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ. — Въ книжномъ магазинѣ Шаиной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

24го АПРѢЛЯ № 16. 1872 ГОДА.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.;
на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

съ пересылкою и доставкою

ковой участокъ имѣеть мѣры земли въ длину и поперечникъ 280 квадр. саж., цѣною за *триста семьдесятъ руб.* Купчая писана на актовомъ листѣ въ 2 руб., пошлинъ взыскано серебромъ 14 руб. 80 к. 16 марта 1872 года.

V.

1872 года марта 31 дня. Отъ вдовы лекарскаго помощника Прасковьи Кириловой *Оленевичъ*, совершена купчая крѣпость въ Сыръ-Дарьинскомъ Областномъ Правленіи въ 21 день марта 1872 года, данная ей коллежскимъ совѣтникомъ Николаемъ Николаевымъ *Касьяновымъ*, на проданный послѣднимъ первой участокъ земли, состоящій Сыръ-Дарьинской области въ Европейскомъ кварталѣ гор. Ташкента и значущійся по городскому плану подъ № 147, подъ коей недвижимостію мѣры земли всего семьдесятъ четыре съ четвертью кв. саж., цѣною за *сто руб.* Купчая писана на гербовомъ листѣ въ 40 к., пошлинъ взыскано серебромъ четыре руб. 12 ноября 1871 года.

Въ общемъ присутствіи Сыръ-Дарьинскаго Областнаго Правленія назначены къ разбирательству дѣла:

На 28 Апрѣля 1872 г.

По апелляціоннымъ жалобамъ крестьянина *Морозова* на рѣшеніе судьи города Ташкента по иску съ него, *Морозова* купцомъ *Соколовымъ* 162 р.

На 29 Апрѣля:

Купца *Парамонова* и крестьянина *Чурова* на рѣшеніе того же судьи по дѣлу о пропавшѣ у *Чурова* часовъ.

По кассационному отзыву крестьянина *Ворожцова*, на приговоръ судьи Самарандскаго отдѣла по дѣлу объ оскорбленіи имъ, *Ворожцовымъ*, мѣщанина *Кольцова* и мальчика *Сычева*.

Отъ Сыръ-Дарьинскаго Областнаго Правленія объявляется, что съ 1-го числа сего Апрѣля мѣсяца въ Чиназскомъ Почтовомъ Отдѣленіи открытъ пріемъ и выдача денежной, посылочной и простой корреспонденцій.

Сыскная статья.

Сыръ-Дарьинское Областное Правленіе розыскиваетъ бѣжавшаго 20 прошлаго февраля въ 8-мъ часовъ вечера чрезъ отхожее мѣсто, Перовской гауптвахты, ссыльнаго арестанта *Утебая Матаганова*.

Примѣты Матаганова:

Двадцати трехъ лѣтъ, росту средняго. Волосы на головѣ, бровяхъ и усахъ черные. Бороды не имѣеть. Глаза черные, носъ и ротъ обыкновенные. Особыхъ примѣтъ не имѣеть.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬ- НЫЙ.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО ВЪ КОКАНѢ.

Въ одномъ изъ предыдущихъ номеровъ нашего изданія мы сообщили нѣсколько интересныхъ подробностей о пребываніи въ Ташкентѣ старшаго сына хана коканскаго, Ханъ-Заде, бека андиджанскаго. Въ настоящее время молодой бекъ, сынъ хана, уже возвратился въ Коканъ. Его сопровождали: войсковой старшина Б. М. Бергъ и переводчикъ г. генераль-губернатора И. И. Ибрагимовъ. Генераль-губернаторъ поручилъ Б. М. Бергу отвезти подарки хану и благодарить его за дозволеніе молодому, любознательному принцу посѣтить Ташкентъ, чтобы ближе видѣть и ознакомиться съ русскими. Нѣтъ сомнѣнія, что повѣдка Ханъ-Заде будетъ имѣть плодотворные результаты. Русское вліяніе для Кокана — неотразимо, и что всего важнѣе,

оно вносится туда не штыками, не огнемъ и кровью, а мирнымъ путемъ, путемъ обобщенія интересовъ двухъ сосѣднихъ странъ: Кокана и Россіи. Въ среднеазиатскую жизнь исподволь, незамѣтно для самихъ среднеазиатцевъ, проникаютъ животворные, европейскіе элементы, и только немногіе приверженцы стараго порядка относятся недоброжелательно къ этому, новому для Средней Азіи, явленію. Большинство народа уже ясно видитъ свои выгоды отъ сближенія съ русскими и дружелюбно относится къ нимъ. Во главѣ этихъ «передовыхъ людей Кокана» находится самъ ханъ и все его семейство, особливо старшій сынъ хана, бекъ андиджанскій, Ханъ-Заде.

Ханъ-Заде выхалъ изъ Ташкента нѣсколькими днями ранѣе посольства, назначеннаго для его сопровожденія, и которое соединилось съ нимъ уже въ Ходжентѣ. Здѣсь же догнали Ханъ-Заде нѣсколько лицъ его свиты, оставшіе въ дорогѣ, по случаю сильнаго бурана. Особенно пришлось бѣдствовать дядѣ Ханъ-Заде и двумъ важнымъ сановникамъ Кокана: мулла-Турды и Исса-аулие, которые ночевали въ степи, въ тарантасѣ. Казаки и ямщики отправлены были впередъ, на станцію, за свѣжими лошадьми, а сопровождавшая Ханъ-Заде и его свиту прислуга измучилась, всю ночь отыскивая дорогу, занесенную свѣжными сугробами.

Казачій конвой сопровождалъ Ханъ-Заде до самой границы, гдѣ уже выставлены были, для встрѣчи возвращавшихся, шесть коканскихъ сарбазовъ, вооруженныхъ одними только длинными, тонкими палками. Офицеръ, начальствовавшій имп, держалъ въ рукахъ небольшой топорикъ. Онъ торопливо соскочилъ съ лошади, взявъ руку Ханъ-Заде и отеръ ею свое лице и глаза. Это было самое почтительное привѣтствіе, предписываемое коканскимъ этикетомъ. Ханъ-Заде ласково простился съ конвоировавшими его казаками, подарилъ каждому по рублю, «на чай», а офицеру, находившемуся при конвоѣ, крѣпко пожалъ руку и сказалъ по русски: «очень благодарю.» Такъ какъ въ Средней Азіи никакое пзъявленіе чувствъ немислимо безъ поднесенія въ подарокъ халата, то и конвойному офицеру Ханъ-Заде собственноручно накинулъ на плечи неизбежный халатъ.

За первой встрѣчей на границѣ вскорѣ послѣдовала и другая: вереть 15 далѣе ожидали Ханъ-Заде челоѣкъ сто сарбазовъ, вооруженныхъ ружьями, а близъ кишлака Шумъ-бурганъ ожидалъ и самъ мехтеръ, (*) съ большою свитою. Онъ подбѣжалъ къ Ханъ-Заде, почтительно скрестивъ руки на груди, взявъ обѣ руки принца и также отеръ ими лице и глаза, съ словами: «желаю многіе годы и полнаго счастья.»

Жители всѣхъ попутныхъ кишлаковъ толпами выходили на встрѣчу принцу, съ хлѣбомъ-солью. Тутъ же стояли ребятишки, съ книгами въ рукахъ, вмѣстѣ съ своими муллою-учителями.

Было бы утомительно перечислять всѣ встрѣчи, привѣтствія, достарханы, которые ожидали Ханъ-Заде на его пути къ Кокану. Въ числѣ встрѣчавшихъ были между прочимъ братъ Ханъ-Заде (отъ другой матери) и дѣти султана Муратбека, двоюродные братья Ханъ-Заде.

Радость, съ которою встрѣчали Ханъ-Заде, объясняется между прочимъ и тѣмъ, что незадолго до того въ Коканѣ распространились слухи, будто бы Ханъ-Заде отправленъ изъ Ташкента въ Россію. Причиною этихъ слуховъ, встревожившихъ коканское населеніе и отчасти даже самаго хана, была повѣдка Ханъ-Заде на конскій заводъ въ Капланъ-бекъ (25 вереть отъ Ташкента, по чемкентской дорогѣ). Туземцы жадно ловятъ слухи и чѣмъ невѣроятнѣе слухъ, тѣмъ охотнѣе они вѣрятъ ему. Неудивительно, что и слухъ объ отпавкѣ Ханъ-Заде въ Россію, тотчасъ же дошелъ до Кокана, можетъ быть даже съ различными прикрасами и не на шутку встревожилъ всѣхъ, близкихъ къ хану и къ его семейству.

(*) Мехтеръ—важнѣйшее изъ административныхъ лицъ ханства.

Чѣмъ болѣе приближался Ханъ-Заде къ г. Кокану, тѣмъ шумнѣе и многолюднѣе были встрѣчи. Народъ бѣжалъ по улицамъ, съ крикомъ: «да будетъ благословенъ твой прїездъ!» Женщины, въ разноцвѣтныхъ халатахъ, съ закрытыми лицами, стояли на крышахъ, что придавало всей встрѣчѣ чрезвычайно оригинальный, живописный характеръ. Привѣтствія женщинъ были еще разнообразнѣе; онѣ кричали: «ради Бога, будь здоровъ!... Я жертва твоего отца!.. Я умру за тебя!.. Живи долго, будь здоровъ, не умирай!... Будь покровителемъ міра!...» и т. п. Одна бѣдно одѣтая старуха кричала: «я жертва той утробы, которая тебя родила!» Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Кокана дожидались Ханъ-Заде отрядъ въ 150 человекъ и нѣсколько музыкантовъ съ трубами и барабанами: это было войско и музыканты цитилътнаго брата Ханъ-Заде, Урманбека. Нѣсколько верстъ далѣе дожидались принца бабушка и Урманбекъ съ своими няньками. Здѣсь Ханъ-Заде пересѣлъ на превосходнаго воронаго аргамака, присланнаго ему отцемъ въ подарокъ. Лошадь эта, по общимъ отзывамъ, стоила 1 тысячу рублей и считалась извѣстнымъ скакуномъ въ Бухарѣ и въ Коканѣ.

Посольство, сопровождавшее Ханъ-Заде и самъ принцъ со своею свитою, прибыли въ Коканъ 18 февраля. Путешествіе отъ Ходжента до Кокана продолжалось ровно недѣлю. Хана не было въ городѣ въ то время, когда прибыли туда давно жданные, желанные гости; поэтому прїемъ посольства могъ быть только на слѣдующій день, 19 февраля.

Въ 10 часовъ утра торжественный поѣздъ направился къ ханскому дворцу. Впереди ѣхали верховые сарбазы, — въ рукахъ у нихъ были ружья, съ примкнутыми штыками. Далѣе слѣдовали, также верхомъ, войсковой старшина Бергъ, г. Ибрагимовъ и коканскій посланникъ въ Ташкентѣ Мирза-Хакимъ-парманачи; за ними ѣхали казаки съ подарками отъ генералъ-губернатора.

Площадь передъ дворцомъ была наполнена народомъ: случайно или съ умысломъ, но въ это время коканскимъ сарбазамъ производилось фронтное ученье, гремѣла незатѣйливая музыка — трубы и барабаны, проходили войска въ разнообразныхъ костюмахъ, что придавало имъ большую пестроту, и производили самыя разнообразныя военныя эволюціи. Всѣ сарбазы были пѣшіе и вооружены частію фитильными, частію же пистонными ружьями со штыками. Когда посольство выѣхало на площадь, часть войскъ стояла развернутымъ фронтомъ, другая же маршировала глубокой колонной (по 4 человекъ въ рядъ). Въ числѣ войскъ нѣкоторые были вооружены простыми палками, съ насаженными на нихъ длинными ножами.

Дворецъ хана обнесенъ невысокой стѣною, изъ за которой вырисовываются цвѣтные куполы и часть стѣны самаго дворца. Ворота, съ высокою башнею и съ двумя меньшими башенками по сторонамъ, вели во внутрь дворцоваго двора. У воротъ стояли часовые, съ ружьями въ рукахъ. На лѣво отъ воротъ, подъ навѣсомъ, близъ самой стѣны, стояли орудія, числомъ до 40; тутъ же стояла русская телѣга и пожарная труба.

У воротъ — всѣ спѣшились и прошли два меньшіе дворика, мимо нѣсколькихъ часовыхъ. Впрочемъ, какъ въ первыхъ, такъ и во вторыхъ воротахъ, было устроено нѣчто въ родѣ гауптвахты, потому что тутъ же находилось небольшое помѣщеніе для сарбазовъ, а стѣны увѣшаны были ружьями и нагайками.

Самый дворецъ находится во второмъ дворѣ; это — высокое, большое зданіе съ восьмью русскими окнами, украшенными разноцвѣтными стеклами. Налѣво — другой небольшой домъ, съ 7 большими окнами.

Пришлось пройти еще ворота съ часовыми и выйти на небольшой дворикъ; здѣсь посольство остановили, сказавъ, что ханъ находится въ женской половинѣ дворца. Ожиданіе выхода хана продолжалось недолго. Посольству предложили идти далѣе, и ввести въ небольшую пристройку, съ двумя русскими окнами. Здѣсь, въ большой комнатѣ, устланной русскими шерстяными матеріями, у окна сидѣлъ на разостланномъ медвѣжьемъ мѣху человекъ въ парчевомъ халатѣ и аккуратно свернутой чалмѣ; это былъ ханъ. На право отъ двери, у стѣны сидѣло еще нѣсколько человекъ; вторымъ послѣ хана сидѣлъ его братъ, султанъ Муратъ-бекъ, а третьимъ — Ханъ-Заде. Противъ двери, на стѣнѣ висѣло большое зеркало. Посольство подошло къ хану, который подавая руку, спросилъ: «здоровъ ли Бѣлый царь? Здоровъ ли генералъ-губернаторъ и веселъ ли онъ? Я очень благодаренъ генералъ-губернатору,» продолжалъ ханъ, «за ласковый и радужный прїемъ, сдѣланный моему сыну. Очень радъ, что вы прїѣхали и принимаю васъ, какъ бы самаго генералъ-губернатора.»

Б. М. Бергъ, отъ имени генералъ-губернатора, отвѣчалъ по русски слѣдующее:

«Генералъ-губернаторъ поручилъ мнѣ передать вашему Высочеству свою душевную благодарность за то, что вы доставили ему случай познакомиться съ вашимъ сыномъ Сеидъ-Мухамедъ-Насыръ-Эдинъ-бекомъ (ханъ-Заде). Онъ поручилъ мнѣ выразить вамъ, что онъ искренно полюбилъ вашего сына, какъ за его скромность, умъ и доброту, такъ и за то, что онъ любитъ васъ, какъ отца и преданъ вамъ, какъ законному государю. Генералъ-губернаторъ поручилъ мнѣ поздравить ваше Высочество съ праздникомъ обрѣзанія младшаго сына вашего и пожелать вамъ и всему семейству вашему здоровья и благополучіе, на радость народа.»

Все время, пока говорилъ войсковой старшина Бергъ, ханъ внимательно смотрѣлъ на него, и хотя ничего не понималъ, но слушалъ улыбаясь. Когда г. Ибрагимовъ сталъ переводить эти слова, ханъ непрерывно перебивалъ его, повторяя: «да!... Вотъ, что онъ говорилъ!» Мирза Хакимъ просилъ у хана дозволенія принести подарки, присланные генералъ-губернаторомъ; ханъ охотно согласился и прибавилъ: «вещи на свѣтѣ ничего не значутъ, а главное надобно желать, чтобы онъ, другъ мой, былъ здоровъ. Вещи всегда можно найти, а друзей найдешь не скоро.»

Поговоривъ съ войск. стар. Бергомъ еще нѣсколько времени, ханъ поручилъ своимъ приближеннымъ угостить посольство въ гостиню. Это была большая комната, убранная совершенно по европейски. Стѣны были украшены зеркалами; у стѣны, на право отъ дверей стоялъ небольшой круглый столикъ и 4 буковыя кресла. Въ гостиню поданъ былъ чай и неизбѣжный достарханъ.

Откланявшись хану, поблагодаривъ его за подарокъ — мѣховые халаты и за дозволеніе свободно разбѣзжать по всему городу, посольство возвратилось домой.

Въ тотъ же день, вечеромъ ханъ пригласилъ посольство на базымъ (праздникъ). Вся площадь передъ дворцомъ была полна народомъ; музыка неистово гремѣла, сливаясь съ громкимъ говоромъ и криками толпы. Въ разныхъ мѣстахъ взвивались на воздухъ ракеты, иногда по двѣ или по три за разъ. Бачи пѣли и кружились и глазѣвшая на нихъ толпа награждала ихъ за искусство громкимъ «ревомъ одобренія.» Ханъ любовался праздникомъ, сидя у воротъ, на террасѣ, передъ двумя меньшими комнатами, гдѣ для него готовился чай. Здѣсь же, рядомъ съ ханомъ, сѣли и члены посольства.

Сущность увеселенія состояла преимущественно въ пляскѣ бачей, любимомъ туземцами, хотя и не всегда пристойномъ, развлеченіи. Но въ Коканѣ, при пляскахъ бачей, есть небольшая, совершенно мѣстная особенность: бачи пляшутъ въ лодкахъ — конечно картонныхъ, прикрѣпленныхъ къ поясу; чтобы ноги плашущаго мальчика не были видны, лодку покрываютъ матеріею, концы которой свѣшиваются до земли. Увѣряютъ, что пляска бачей въ лодкахъ переицта коканцами у китайцевъ. Это впрочемъ чуть ли не единственный слѣдъ китайскаго вліянія въ Коканѣ.

Бачи, по нѣскольку человекъ вмѣстѣ, подходили къ хану, пѣли ему что-то, причемъ одинъ пѣлъ, а остальные вторили ему. Затѣмъ каждый мальчуганъ подходилъ еще ближе къ повелителю, дѣлалъ передъ нимъ три раза быстрый кругъ, и, почитительно поклонившись, удалялся въ толпу ликующаго народа. Вслѣдъ за одной толпою бачей, подходила къ хану другая. Въ промежуткахъ между пляскою бачей выходили *маскарабазы* (шуты или ряженые) и потѣшали публику кто чѣмъ могъ и умѣлъ.

Одно изъ незатѣйливыхъ представленій маскарабазовъ состояло въ слѣдующемъ: актеръ, одѣтый женщиною, началъ вдругъ охать и стонать, объясняя, что онъ чувствуетъ приближеніе родовъ; другой, игравшій роль мужа родильницы, въ отчаяніи бѣгалъ, билъ себя въ грудь, нѣсколько разъ принимался молиться, наконецъ сорвалъ съ себя халатъ и бросилъ на землю, обѣщая принести этотъ халатъ въ даръ пророку и свитымъ, если они прекратятъ страданія родильницы. Видя, что это средство бесполезно, онъ сорвалъ съ себя и другой халатъ, говори: «на, возьми и это, если тебѣ мало!» Наконецъ онъ сбросилъ съ себя и рубашку, крича въ изступленіи: возьми же и это, все возьми у меня!.. Больше мнѣ нечего тебѣ дать!» Въ это время старуха (тоже переодѣтый мужчиною) поднесла ему щенка, будто бы рожденнаго его женою. Обрадованный отецъ, схвативъ щенка, началъ его цѣловать и убаюкивать. Вслѣдъ за первымъ, ему подали втораго и третьяго щенка. Нича и убаюкивая ихъ, мужъ родильницы бѣгалъ передъ зрителями и наконецъ при какомъ-то неловкомъ движеніи, уронилъ щенятъ на землю. Тутъ только догадался онъ, что это вовсе не дѣти, схватилъ свѣжее баранье сердце и началъ имъ бить жену, которая, конечно, отвѣчала ему также самы-

ми энергическими пинками и затрещинами. Эта драка до нельзя размѣшила всю публику, и какъ ни мало было комизма во всей представленной сценѣ, однако же и ханъ и всѣ собравшіеся зрители остались ею очень довольны. Коканскій народный театръ находится еще, какъ видно, въ эмбриологическомъ состояніи. Впрочемъ мы рассказали сущность представленія маскарабазовъ собственно для того, чтобы показать, какъ безпереромно осмѣиваются въ мусульманскомъ Коканѣ жертвы и молебны, обращенные къ пророку и мусульманскимъ святымъ. Религіозный фанатизмъ здѣсь не въ большомъ ходу.

Ханъ очень интересовался знать: нравятся ли посольству пляски бачей и комическія выходы маскарабазовъ и есть ли у русскихъ подобныя развлечения. Мулла Турды-Алій рассказывалъ хану о балахъ въ домѣ генераль-губернатора, о убранствѣ комнатъ, освѣщенныхъ люстрами со множествомъ свѣчей, о танцахъ, въ которыхъ принимаютъ участіе и женщины — жены и дочери лицъ, приглашенныхъ на балъ. Ханъ слушалъ внимательно, изрядка повторяя: «странно, очень странно!» Онъ самъ много спрашивалъ муллу Турды и г. Берга о многомъ и вопросы хана доказывали его большую любознательность. Такъ на примѣръ, указывая на сартовскій календарь, изданный въ Ташкентѣ, онъ спрашивалъ, какъ печатаются книги, и въ каждомъ ли русскомъ городѣ есть типографія, въ какихъ городахъ открыты отдѣленія Государственнаго банка и частныя банки и какую пользу приносятъ они народу, зачѣмъ носятъ папаху, удобно ли кепи и не вносятъ ли его вѣтромъ, носятъ ли генераль-губернаторъ кепи съ султаномъ, для чего русскіе брѣютъ бороду и брѣютъ ли ее генераль-губернаторъ; спрашивалъ также ханъ много ли въ Россіи церквей, есть ли у русскихъ святыне, какого вѣроисповѣданія нѣмцы и англичане, не изъ Англіи ли привозятся тѣ «жирныя» лошади, на которыхъ въ циркѣ даютъ представленія, есть ли въ Ташкентѣ акробаты и нельзя ли прислать въ Коканъ хотя одного искуснаго акробата, и т. п.

Когда увеселенія кончились, ханъ ласково простился съ посольствомъ и ушелъ во внутреннія комнаты своего дворца. Тогда только Ханъ Заде, все время находившійся вмѣстѣ съ отцемъ, подошелъ къ посольству и поздоровался, извиняясь, что онъ не могъ исполнить это прежде. «У насъ принято, что младшіе не здороваются въ присутствіи старшихъ», пояснилъ онъ.

Члены посольства охотно воспользовались разрѣшеніемъ хана: осматривать въ городѣ все, что покажется замѣчательнымъ; въ числѣ осматрѣнныхъ ими зданій, была между прочимъ и новая, построенная ханомъ мечеть. Это огромное зданіе, съ большимъ дворомъ, заросшимъ высокими тополями и карагачами. Внутренность мечети имѣетъ не менѣе 20 сажень длины; ряды высокихъ колоннъ подпираютъ массивный потолокъ, украшенный разноцвѣтными арабесками въ восточномъ вкусѣ; двери будутъ стеклянныя, что въ Средней Азіи, при дороговизнѣ стекла, составить неслыханную роскошь.

Посольство, совершенно случайно, прибыло въ Коканъ въ такое время, когда, по случаю обрѣзанія младшаго сына хана, Урманбека, увеселенія слѣдовали одно за другимъ. Ханъ каждый день вызывалъ за стѣны города, въ поле, любоваться пляскою бачей, байгой, искусствомъ своихъ борцовъ и акробатовъ, выдѣлывавшихъ на канатѣ незатѣйливыя штуки. Празднества продолжались уже болѣе мѣсяца *) и ханъ на время совершенно даже отстранился отъ государственныхъ дѣлъ. Это непрерывное празднество уже подъ конецъ становилось тягостнымъ для лицъ, приближенныхъ къ хану, и они по временамъ гласно высказывали свое неудовольствіе.

4-го марта посольство, послѣ прощальной аудіенціи у хана, возвратилось обратно въ Ташкентъ тою же дорогой, по которой вѣхло и прежде, т. е. на Махрамъ, Ходжентъ и Той-тубе. Вообще говоря, впечатлѣнія, вынесенное посольствомъ изъ своей пѣздки въ Коканъ, было весьма благопріятное. Если русское вліяніе сильно проявляется въ Туркестанскомъ краѣ, и русскіе обычаи постепенно вытѣсняють туземныя, то въ этомъ еще нѣтъ ничего удивительнаго; тѣмъ болѣе отрадно видѣть, что русское вліяніе успѣло уже отразиться весьма сильно и въ Коканѣ, странѣ, которая по ходу историческихъ событій, была бы должна относиться къ русскимъ вполне враждебно. На самомъ же дѣлѣ не только не существуетъ такой вражды, но всѣ лучшіе, передовые люди Кокана явно отдають первенство русскимъ, признавая вполне громадную разницу между умственнымъ развитіемъ европейца и тѣмъ узкимъ кругомъ понятій, въ которомъ безисходно вращается умъ мусульманина.

*) Праздникъ начался съ мѣсяца Шаула, т. е. 10-го декабря.

азіянца. Оттого-то молодой принцъ Ханъ-Заде такъ внимательно присматривался ко всему въ Ташкентѣ и такъ усердно старался научиться говорить по русски, щеголяя при каждомъ случаѣ своимъ знаніемъ русскаго языка.

ПРОХОДИМОСТЬ ТУРКМЕНСКИХЪ СТЕПЕЙ.

Съ давняго времени утвердилось понятіе о трудности, даже о невозможности проникать въ прикаспійскія степи съ большими караванами или съ значительными военными отрядами. Хотя примѣръ Бекевича, прошедшаго съ двухтысячнымъ отрядомъ въ Хиву изъ Сарайчикова, черезъ весь Усть-уртъ (950 вер.), могъ бы одинъ разубѣдить въ этомъ предразсудкѣ, но тѣмъ не менѣе онъ упорно держался, особенно между оренбургцами, которые однако же не разъ видѣли у себя большіе хивинскіе караваны, приходившіе по западной сторонѣ Аральскаго моря. На Мангышлакѣ, по основаніи тамъ, въ 1846 г., Ново-Петровска, караванное движеніе, правда, оказалось слабымъ; но собственно это происходило по отдаленности этого пункта отъ хивинскихъ предѣловъ, недостатка въ форть большихъ запасовъ русскихъ товаровъ и наконецъ — отъ крайней малонаселенности средней части Усть-урта, вѣдствіе чего караваны не встрѣчали по дорогѣ ни топлива, ни мѣсть для сбыта части товаровъ или для покупки скота. Проходимость же степи даже въ этомъ, самомъ безотрадномъ направленіи, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ не только Аботъ, но и наши съемщики: Иваннъ, Рябиннъ и др., нашли тутъ весьма торную караванную дорогу. Кратчайшее же разстояніе между сѣверо-восточною частью Каспійскаго моря, отъ залива Кайдака до Аральскаго моря, нѣсколько южнѣе Каратамака, уже въ 1826 г. было перейдено безъ всякихъ затрудненій полковникомъ Бергомъ, а нѣсколько болѣе длинный путь отъ Кайдака прямо въ Хиву, совершенно былъ (правда, налегкѣ) армяниномъ Турпаевымъ въ 8 дней. Наконецъ вдоль всего западнаго берега Арала, изъ самаго Оренбурга до Хивы же, прошелъ въ 1858 году довольно многочисленный конвой Н. П. Игнатьева.

Но если этими примѣрами можно было убѣдить въ проходимости сѣверной части арало-каспійской степи, то до послѣдняго времени не было кажется, въ Европейской Россіи лица, которое бы не назвало почти химерною мыслью пройти въ Хиву отъ береговъ южной части Каспійскаго моря. Мрачныя краски, которыми, впрочемъ не безъ основанія, очертилъ Муравьевъ путь между Красноводскомъ и Ильгельдами, особенно же между колодцами Туерь и Сары-камышъ, пугали самыхъ смѣлыхъ людей. И если кое кто еще надѣялся пройти въ Хиву отъ залива Балханакаго, то какъ на единственный удобный, хотя гипотетическій путь, указывалъ на старое русло Аму-дарьи, но не на какую-нибудь собственно степную дорогу. О ежегодныхъ же путешествіяхъ каравановъ съ низовья Атрека въ Хиву опять забывали или же приводили въ примѣръ Вамбери, который натерпѣлся въ подобномъ путешествіи самыхъ страшныхъ лишеній отъ жажды. По этому, когда въ 1869 году рѣшено было занять Красноводскъ, именно въ видахъ вліянія на Хиву, убѣжденіе въ невозможности похода отъ одного изъ этихъ пунктовъ къ другому было весьма распространено какъ въ С.-Петербургѣ, такъ и въ Тифлисѣ. Его, по видимому, раздѣляли и войска, явившіяся въ Красноводскъ съ Кавказа.

Но вотъ, въ началѣ лѣта 1871 г., штаб-ротмистръ Скобелевъ благополучно совершилъ — правда, съ конвоемъ всего въ 7 человекъ, — путь отъ Мулла-кари почти до Сары-камышъ и составилъ подробное описаніе всѣхъ осматрѣнныхъ имъ подъемовъ, спусковъ, ночлежныхъ пунктовъ и особливо колодцевъ. Вскорѣ затѣмъ значительный военный отрядъ выступилъ изъ того же Мулла-кари, перешелъ на востокъ за Сары-камышъ и возвратился назадъ, не потерявъ ни одного человека отъ болѣзни или лишеній. Отрядъ возвращался притомъ съ такою бодростью изъ 440-верстнаго похода, что солдаты дѣлали переходы быстрее, чѣмъ шли впередъ, и начальникъ экспедиціи нашелъ возможнымъ, не доходя до Мулла-кари, сдѣлать еще нѣсколько движеній въ сторону отъ дороги, для осмотра мѣстности, именно колодцевъ по нижнимъ частямъ Узъ-боя, т. е. русла Аму. Камъ это совершилось, мы постараемся объяснить здѣсь въ краткихъ чертахъ.

Отрядъ выступилъ въ походъ не весь вдругъ, а по-эшелонно. Первый эшелонъ или авангардъ, изъ пѣхоты, двухъ орудій, ракетныхъ станковъ и небольшого числа конныхъ казаковъ двинулся къ сѣверо-востоку отъ Мулла-кари, по пути, уже осматрѣнному Скобелевымъ. Въ трехъ переходахъ, при колодцахъ Гезли-ата, онъ устро-

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

25го ЮЛЯ № 29. 1872 ГОДА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ.—Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ.—Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.;
на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во все города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — 1/4 к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — 1/2 к. с. за букву, и т. д.

съ пересылкою и доставкою

ИЗЪ КОКАНА.

Г. Кривцовъ, командированный г. генералъ - губернаторомъ въ Коканъ, для фотографическихъ работъ, сообщаетъ слѣдующія, не лишеныя интереса подробности, о своемъ пребываніи въ предѣлахъ ханства:

.... «Я не стану описывать дорогу отъ Ходжента до Кокана и даже дальнѣйшій путь мой, въ Марглянъ и Ассакѣ, гдѣ въ настоящее время временно находится Худояръ-ханъ или иначе Ханъ-Хазретъ, какъ его обыкновенно называютъ въ народѣ. Коканское ханство и его жители уже достаточно извѣстны, благодаря статьямъ и корреспонденціямъ гг. Шауфуса, Свверцева, Струве, Федченко, Ибрагимова и другихъ лицъ, посѣщавшихъ ханство. Чего либо новаго, что не было сообщено въ описаніяхъ прежнихъ путешественниковъ, я не замѣтилъ. Азія вездѣ сохраняетъ одинъ и тотъ же неизмѣнный, крайне однообразный типъ, отъ Каспійскаго моря до Великой стѣны и отъ береговъ Ганга до Алтая.

Лучше сообщу нѣсколько цифръ разстоянія между Ходжентомъ и различными городами Коканскаго ханства; можетъ быть цифры эти послужатъ на пользу будущимъ русскимъ посѣтителемъ Кокана:

Г. Ходжентъ.

Кишлакъ Иписаръ	10	версть.
— — — — — Каракчекумъ(*)	8	—
Г. Махрамъ	6	—
Шентъ-Мазаръ	16	—
Патыръ-кишлакъ	4	—
Бишъ-арыкъ	16	—
Г. Коканъ	10	—
Кишлакъ Караулъ-тюбе 3 таша (24)	—	—
Дювана-рабатъ	3	—
Кара-джиде	1	— 8 —
Г. Марглянъ	1	— — —
Кишлакъ Кува	3	— 24 —
Г. Ассакѣ	2	— 16 —
Г. Андижанъ	3	— 24 —

Въ Коканѣ, какъ я сказалъ уже, хана не было; онъ выѣхалъ въ Ассакѣ, куда, вмѣстѣ съ нимъ выѣхали и многіе изъ его приближенныхъ лицъ. Въ Коканѣ остались однако мехтеръ, къ которому у меня было письмо отъ К. В. Струве и Сарымсакъ-парманачи, вліятельное лицо, заступившее мѣсто Ата-бека, бывшаго ближайшаго совѣтника хана. Какъ извѣстно, въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ Ташкентѣ распространились слухи объ опалѣ, постигшей Ата-бека, который, будто бы, навлекъ на себя ханскій гнѣвъ за свои смѣлыя, хотя и вполнѣ правдивыя совѣты хану. Говорили, что ханъ грозилъ даже казнить старика Ата-бека, уважаемаго всѣмъ народомъ въ ханствѣ. Слухи эти, которые могли возбудить волненія въ ханствѣ, въ случаѣ, если бы они оказались справедливыми, — побудили г. генералъ-губернатора написать къ хану дружеское письмо и посовѣтовать: не отдалять отъ себя столь преданнаго, умнаго и опытнаго человека, какъ Ата-бекъ. «Если онъ говорилъ правду, то за это сердиться не слѣдуетъ,» писалъ г. генералъ-губернаторъ; «государямъ рѣдко приходится слышать смѣлую правду отъ своихъ подданныхъ.» Ханъ, въ отвѣтномъ письмѣ своемъ, благодарилъ г. генералъ-губернатора за дружескій совѣтъ и увѣрялъ, что онъ не лишилъ своихъ милостей Ата-бека, и что Ата-бекъ самъ, уже много разъ просилъ уволить его отъ дѣлъ, такъ какъ онъ въ послѣднее время чувствуетъ себя старымъ и слабымъ. (*) Но ханъ по прежнему довѣряется во всемъ своему старому совѣтнику, Ата-беку, подарилъ ему въ Коканѣ домъ и землю и ежедневно видится съ нимъ. Дѣйствительно, когда я пріѣхалъ въ Ассакѣ, то тамъ, вмѣстѣ съ ханомъ, былъ и Ата-бекъ.

Должность, которую занималъ Ата-бекъ (начальника войскъ) раздѣлена теперь между 4 лицами; старшій изъ нихъ — Сарымсакъ-парманачи, уже нѣсколько разъ бывавшій въ Ташкентѣ, съ разными порученіями отъ хана. Мехтеръ, съ которымъ я увидѣлся на второй день по пріѣздѣ моемъ въ Коканъ, отрекомендовалъ меня Сарымсакъ-парманачи. Пріемъ былъ во дворцѣ хана, гдѣ и живетъ этотъ коканскій сановникъ. Парманачи пригласилъ меня въ отдѣльную комнату, гдѣ по срединѣ, на большомъ, кругломъ столѣ, уже стоялъ достарханъ (угощеніе). Туда же парманачи пригласилъ и трехъ своихъ товарищей-министровъ. Кругомъ стола поставлено было 8 табуретокъ, — шагъ къ европейскому пріему гостей. Разговоръ нашъ коснулся, между прочимъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Джитышаромъ, которыя живо интересуютъ коканцевъ. Къ сожалѣнію, я еще не могъ тогда удовлетворить любопытство мехтера, парманачи и другихъ моихъ собесѣдниковъ, относительно успѣха посольства барона Каульбарса къ Якубъ-беку. Миѣ извѣстны были въ то время только письма съ Нарына,

(*) Первый, ближайшій въ намъ кишлакъ Коканскаго ханства.

(*) Ата-беку уже 78 лѣтъ; это почтенный старикъ, съ совершенно сѣдою бородою.

а поэтому я, вместо отвѣта, самъ спросилъ: не имѣютъ ли они какихъ нибудь извѣстій? Мнѣ отвѣчали, что изъ Кашгара еще нѣтъ извѣстій, а изъ Ташкента пишутъ о полномъ успѣхѣ посольства.

Затѣмъ разговоръ перешелъ на наши отношенія къ Хивѣ, и Сарымсакъ-парманчи сталъ энергически порицать образъ дѣйствій хивинскаго правительства. О дружескихъ отношеніяхъ Кокана къ Россіи онъ говорилъ съ видимымъ удовольствіемъ.

Разговоръ нашъ продолжался уже довольно долго; наконецъ я всталъ, чтобы распрощаться съ мехтеромъ и министрами, но меня удержали, предлагая показать уже написанное письмо къ хану, съ извѣстіемъ о моемъ пріѣздѣ въ Коканъ. Я остался еще на нѣсколько минутъ. Дѣйствительно, вскорѣ принесли только что написанное письмо, которое и было отправлено въ тотъ же день въ г. Ассакѣ.

Отвѣтъ на это письмо полученъ былъ только чрезъ три дня, и я 29 іюля выѣхалъ изъ Кокана - *пріятно*. Таковъ официальный титулъ Кокана, встрѣчающійся даже на мѣстныхъ монетахъ, вѣроятно на подобіе официального титула Бухары: *благородная* (ель-шерифъ) и титула Самарканда: *лице земли*. Этими титулами тѣшится азіятская національная гордость. Мнѣ предстояло проѣхать чрезъ г. Маргланъ, гдѣ бекомъ назначенъ братъ хана, Султанъ - Муратъ-бекъ. Худояръ - ханъ и Султанъ-Муратъ, братья отъ одной матери; этимъ объясняется дружба и постоянное согласіе между ними. Далеко не такъ дружескибно относился коканскій ханъ къ остальнымъ своимъ братьямъ, отъ другой матери (единокровнымъ, а не единоутробнымъ, какъ выражается наша юридическая терминологія).

До Марглана считается 8 ташей, т. е. 64 версты (ташь равняется 8 верстамъ). Мы ѣхали все время садами, по дорогѣ, довольно сносно, хотя и часто пересѣченной арыками. Ары не затрудняются этими арыками, но мой тарантасъ могъ подвигаться впередъ только весьма медленно: иначе ему грозила неминуемая ломка. Въ 3 ташахъ отъ Кокана, въ густыхъ садахъ пріютился кишлакъ Карауль-тюбе; здѣсь я остановился ночевать, потому что далѣе предстояла трудная дорога, по совершенно бесплодной, голой мѣстности, считающейся здѣсь голодной степью.

Маргланъ — городъ новый; рассказываютъ, что еще весьма недавно на этомъ мѣстѣ стоялъ небогатый кишлакъ. Какой-то *ауліе* (святой, праведный человекъ) зашелъ въ этотъ кишлакъ и попросилъ у жителей милостыни. Его радушно приняли, но, по бѣдности жителей, могли угостить только немногимъ: принесли ему курицу (*муръгъ*, т. е. птицу) и хлѣбъ (*нанъ*). Ауліе, тронутый добротой жителей кишлака, предсказалъ, что ихъ кишлакъ разростется въ большой городъ, и что у нихъ никогда не будетъ недостатка ни въ чемъ. Въ память своего посѣщенія, ауліе приказалъ кишлакъ, а потомъ и самый городъ, назвать: *муръгъ-нанъ*. Изъ этого-то названія произошло нынѣшнее, искаженное Маргланъ. Въ старинныхъ книгахъ, какъ увѣряютъ здѣшніе ученые, городъ, дѣйствительно, называется не иначе, какъ *Мурханъ*.

А. П. Федченко, во время прошлогодней повздки своей по Кокану, не считая нужнымъ заѣзжать въ Маргланъ, интересуясь болѣе дикими ущельями, чѣмъ глиняными, азіятскими городами. Мнѣ тоже было не до наслажденія красотою Марглана, такъ какъ я торопился далѣе, въ Ассакѣ: повздка моя въ Коканъ и такъ, сверхъ ожиданія, грозила затянуться на долгое время. Но слѣдовало отдать должъ вѣжливости, и я, въ самый день моего пріѣзда, отправился представиться брату хана, Султанъ-Муратъ-беку.

Пріемъ Султанъ-Мурата, его ласковый и откровенный разговоръ произвели на меня весьма пріятное впечатлѣніе. Пріемъ бека былъ не лишень торжественности: отъ самаго входа во дворецъ, до мѣста, гдѣ сидѣлъ бекъ, стояли сарбазы; по сторонамъ бека сидѣли его приближенные и важныя лица города. Султанъ-Муратъ сказалъ мнѣ, что онъ всегда душевно радъ видѣть русскихъ, просилъ меня погостить у него нѣсколько дней, далъ нѣсколько, весьма полезныхъ совѣтовъ, относительно дальнѣйшей дороги, въ Ассакѣ: совѣтами его я воспользовался съ благодарностью, но отказался гостить въ Маргланъ, сказавъ, что тороплюсь къ хану.

Переночевавъ въ кишлакъ Кува, въ ханскомъ дворцѣ, гдѣ уже, къ моему пріѣзду, былъ готовъ достарханъ, я на другой день, въ 7 часовъ утра пріѣхалъ въ Ассакѣ. Я просилъ бека муллу-Исса-ауліе, доложить хану о моемъ пріѣздѣ. Пріемъ ханомъ назначенъ былъ мнѣ въ тотъ же день, въ 5½ ч. вечера.

На сколько привѣтливъ и любезенъ былъ пріемъ Султанъ-Муратъ-бека, на столько же сухъ и непріятенъ для меня былъ пріемъ хана. Что-то суровое проглядывало

во всѣхъ чертахъ его лица. Когда я пріѣхалъ во дворецъ хана, онъ творилъ намазъ, и мулла-Исса ауліе просилъ меня обождать немного. Черезъ нѣсколько минутъ меня пригласили къ хану. Худояръ-ханъ сидѣлъ на подушкахъ, у стѣны весьма скромной комнаты. Я передалъ ему письмо отъ г. генераль-губернатора, отвѣтилъ на обычные вопросы о здоровьѣ Главнаго Начальника края, и затѣмъ объяснилъ хану, на сколько было возможно, цѣль моей командировки. Я сказалъ ему: «г. генераль-губернаторъ послалъ меня къ вамъ, высокостепенный ханъ, чтобы и исполнилъ желаніе ваше и ознакомилъ васъ съ однимъ изъ самыхъ важнѣйшихъ изобрѣтеній — искусствомъ снимать портреты и виды, безъ помощи пера и туши. Генераль-губернаторъ поручилъ мнѣ снять самый точный и вѣрный портретъ съ васъ, со всего семейства вашего и съ лицъ, близкихъ къ вамъ. Когда онъ будетъ видѣть предъ собой портреты: вашъ и вашей семьи, то будетъ считать, что находится въ кругу вашего семейства. Это доставитъ ему большое удовольствіе. Генераль-губернаторъ поручилъ мнѣ также передать поклонъ вамъ и пожелать вамъ отъ него много лѣтъ жизни, здоровья и счастья во всемъ».

Ханъ внимательно выслушалъ мои слова, но, къ удивленію моему, отвѣтилъ: «нашъ законъ, шаріатъ запрещаетъ снимать съ людей портреты или рисовать виды, а также и имѣть портреты при себѣ. Когда я просилъ прислать фотографа, то тогда у насъ былъ праздникъ и мнѣ хотѣлось снять томану; а теперь время уже прошло.»

Досада волновала меня; въ первую минуту хотѣлъ возразить: «въ такомъ случаѣ мнѣ нечего и дѣлать въ Коканѣ; я завтра уѣду обратно, въ Ташкентъ и доложу генераль-губернатору о нашемъ отказѣ,» — но удержался, и только замѣтилъ: «если вы не желаете сниматься и не позволите видѣть инструменты и узнать какъ производится фотографическія работы. Вѣроятно, это не запрещено шаріатомъ. «Послѣ небольшого раздумья, ханъ отвѣтилъ: «поживите, отдохните дня два, а потомъ покажите мнѣ.» Тамъ и кончился пріемъ; я простился и вышелъ изъ дворца.

Эта медленность, постоянныя предложенія отдохнуть дни два, предложенія, которыми я и прежде получалъ нѣсколько разъ, были для меня всего тяжелѣе. Я насплу могъ дожидаться дня, когда ханъ «пожелаетъ» видѣть фотографическія работы, которыми, какъ я слышалъ еще въ Ташкентѣ, онъ сильно интересовался.

Ждать мнѣ впрочемъ пришлось недолго; дѣйствительно, черезъ два дни мулла-Исса-ауліе увѣдомилъ, что ханъ проситъ меня пріѣхать къ нему и взять съ собою фотографическія аппараты. Я, конечно, тотчасъ же собрался. Было еще рано, 7 часовъ утра. Ханъ вышелъ, осмотрѣлъ камеръ-обскуру и сказалъ: «ну, покажите-ка, какъ это снимаютъ портреты; вотъ снимите этихъ сарбазовъ, которые стоятъ у дверей.» Все время, пока я наводилъ объективъ и снималъ негативное изображеніе, ханъ внимательно слѣдилъ за мною. Я показалъ ему негативъ; онъ остался доволенъ и просилъ снять еще нѣсколькихъ бачей, толпившихся тутъ же, въ комнатѣ. Снимокъ вышелъ довольно удаченъ. Затѣмъ я еще снялъ одну группу. Было уже 11 часовъ; становилось очень жарко. Ханъ пожелалъ прекратить на этотъ день фотографическія работы и просилъ прійти завтра, по ранше, утромъ.

Мало по малу фотографическіе снимки заинтересовали хана; онъ заставлялъ снимать портреты своихъ адъютантовъ и разныхъ приближенныхъ къ нему лицъ, видъ пріемной залы его дворца, наружный видъ его дворца, и т. п. Всего въ три дня я приготовилъ 10 рисунковъ. Надо было видѣть удивленіе сартовъ, когда они въ первый разъ увидѣли свои изображенія! Они едва могли прійти въ себя отъ изумленія и всѣ стали просить снять съ нихъ портреты, съ каждаго отдѣльно. О запрещеніи шаріата и помина не было! Самъ ханъ наконецъ забылъ о немъ и общалъ, по возвращеніи моемъ изъ Андиждана, куда я, по порученію хана, отправляюсь завтра, — снятъ со всей своей свитой. Въ Андижданѣ я сниму видъ дворца Хана-Заде, а можетъ быть, если удастся, то и другія, замѣчательныя по своей древности, зданія. Андижанъ, древняя Фергана, (*) старинный городъ. Слѣды древности, во все незамѣтные въ западной части ханства, очень нерѣдки у Андиждана и далѣе, на востокъ. Здѣсь лежатъ Ошъ, Узгентъ, съ ихъ замѣчательными развалинами и древними преданіями. Къ сожалѣнію, по недостатку времени, мнѣ едва ли придется посѣтить два послѣдніе города.

9-го іюля,
г. Ассакѣ.

Г. Кривцовъ.

(*) Названіе: Фергана, только въ позднѣйшее время распространилось на всю страну; первоначально такъ назывался одинъ только Андижанъ, нѣкогда богатый и людный городъ.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

1го АВГУСТА № 30. 1872 ГОДА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логина).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ нижнемъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азійскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

ИЗЪ КОКАНА.

Сообщаемъ нашимъ читателямъ еще нѣсколько интересныхъ подробностей о пребываніи г. Кривцова въ предѣлахъ Коканскаго ханства. Подробности эти извлечены изъ письма его, отъ 16 іюля, изъ Андиджана.

... «10 іюля отправился я въ Андижанъ, до котораго считается 2½ таша (20 верстъ); я беру здѣсь разстояніе этого города отъ Ассаке, гдѣ теперь временно живетъ ханъ. Арбы съ фотографическими аппаратами отправлены были заранее, а я самъ выѣхалъ въ 5 часовъ по полудни, рассчитывая пріѣхать въ Андижанъ въ тотъ же вечеръ. По приказанію Хана-Заде, меня провожали 10 джигитовъ и нѣсколько почетныхъ лицъ изъ свиты принца.

Меня поразила относительная густота населенія этой части Коканскаго ханства, вообще весьма богатаго и хорошо заселеннаго, не смотря на недавніе смуты и войны, погубившіе много народа. (*) Дорога все время шла садами. Плодородіе и роскошь растительности здѣсь дѣйствительно замѣчательны. Только не болѣе двухъ верстъ путь идетъ по мѣстности открытой, съ общимъ характеромъ среднеазіатскихъ, опаленныхъ солнцемъ пустынь. Но—солнце уже закатилось, зной спалъ и переѣздъ по открытой мѣстности нисколько не былъ тягостенъ. Въ 8 верстахъ отъ города меня ожидалъ неизбѣжный достарханъ.

Въ Андижанъ я пріѣхалъ въ 8 часовъ вечера; еще было довольно свѣтло и я могъ полюбоваться этимъ стариннымъ, большимъ городомъ. Я проѣхалъ четыре базара, изъ нихъ одинъ—очень большой и богатый. Ханъ-Заде любитъ свой городъ и видимо заботится о немъ; такъ напр., онъ построилъ превосходный караванъ-сарай изъ жженнаго кирпича. Постройка эта была бы замѣчательною даже и въ любомъ европейскомъ городѣ. Куполь мечети, рѣзко выдѣляющійся на густой зелени деревьевъ, изящная орнаментовка въ восточномъ вкусѣ, превосходныя, замѣчательныя по своей оригинальности ворота караванъ-сарая, все это смягчаетъ общее впечатлѣніе, производимое массивностью зданія. Постройкой этой Ханъ-Заде, безъ сомнѣнія, надолго увѣковѣчилъ имя свое въ народѣ.

Пріемъ, сдѣланный мнѣ въ Андижанѣ, былъ чрезвычайно радушенъ; власти города, исполняя приказаніе своего бека (Ханъ-Заде), старались при всякомъ случаѣ выказать ко мнѣ свое вниманіе и расположеніе. Квартира, приготовленная для меня неподалеку отъ дворца Хана-Заде, была вся иллюминирована, и меблирована по европейски. Почетный караулъ (сто сарбазовъ) стоялъ уже у дверей. Сановныя лица встрѣтили меня въ квартирѣ достарханомъ и общали на слѣдующій день ознакомить со всѣми достопримѣчательностями Андиджана.

Я не хотѣлъ терять времени, и на другой же день отправился, вмѣстѣ съ почетными лицами, осматривать городъ. Еще разъ полюбовался я караванъ-сараемъ и весьма красивымъ дворцомъ бека Ханъ-Заде; кромѣ этого дворца, не лишеннаго своего рода оригинальной красоты, Ханъ-Заде строитъ другой дворецъ, европейской архитектуры. Дворецъ этотъ еще не оконченъ, но уже и теперь видно, что возводимая постройка будетъ одною изъ лучшихъ во всемъ ханствѣ. Особенно граціозенъ: портикъ главнаго входа и галереи, поддерживаемыя рѣзными, азіатскими колонками. Правая галерея уже окончена и теперь строится лѣвая.

Мнѣ хотѣлось видѣть развалины стараго Андиджана, который, какъ говорятъ, существовалъ еще тысячу лѣтъ тому назадъ. Тамъ надѣялся я увидѣть какіе нибудь замѣчательные остатки древности. Но ожиданія мои не оправдались. Мѣсто бывшаго города представляетъ довольно обширное пространство земли, изборожденное ямами, всхолмленное кажими-то невысокими насыпями, можетъ быть и скрывающими въ себѣ любопытныя археологическія достопримѣчательности, но, по наружному виду своему, нисколько неинтересными. Точно такой же видъ представляетъ и мѣстность, гдѣ былъ древній Ходжентъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ дворецъ властителей Ферганы, видна довольно высокая насыпь. Я не могъ рассмотреть, какого происхожденія эта возвышенность: естественный ли это холмъ или насыпной курганъ? На мѣстѣ древняго Андиджана (Фергана) поселены теперь нѣсколько семействъ вашгарскихъ выходцевъ.

Въ тотъ же день я осматривалъ оружейный заводъ, довольно значительныхъ размѣровъ, на которомъ, какъ мнѣ говорили, ежедневно готовится по 5 ружей. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза на этомъ заводѣ, было недавно отлитое орудіе, заряжающееся съ казенной части.

(*) Андижанъ былъ мѣстомъ, гдѣ держался и всегда находилъ себѣ поддержку Мусульманкулъ и поздне—Алимкулъ, главные предводители кыпчаковъ.

Орудіе это--гладкоствольное, безъ нарѣзовъ; механизмъ казенной части устроенъ довольно неискусно и замокъ приходится, неплотно. Во всемъ остальномъ орудіе имѣеть весьма красивый видъ. Передокъ и лафетъ орудія выкрашены зеленою краскою; ось лафета желѣзная, а у передка—деревянная. Орудіе это, какъ сообщилъ мнѣ мастеръ-сартъ, отлито по модели.

На слѣдующій день, 12-го іюля, я отправился снять нѣсколько видовъ; огромная толпа народа присутствовала при моихъ работахъ, но я не замѣтилъ ничего враждебнаго. Народъ сбѣгался только поглазѣть на диковинку, никогда имъ невиданную. Пріѣздъ мой и мои работы были для празднаго люда развлеченіемъ, томашей. Можетъ быть также, что присутствіе сарбазовъ и важныхъ лицъ города удерживало зѣвакъ въ границахъ должнаго приличія. Какъ бы то ни было, я безъ малѣйшей помѣхи, успѣлъ снять въ этотъ день пять видовъ.

Какъ доказательство того, что здѣшніе мусульмане вовсе не враждебно относятся къ рисункамъ и портретамъ, запрещаемымъ кораномъ, (*) можно указать на настоятельную просьбу нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ сановныхъ лицъ, желавшихъ имѣть свои портреты. Невозможно было отказать и я снялъ портреты двухъ понсатовъ (пятисотскихъ); одинъ изъ нихъ былъ уже почтенный старикъ, съ густой, сѣдою бородою.

Я не рассчитывалъ оставаться долго въ Андиджанѣ и 13-го іюля собрался ѣхать обратно, въ Ассакѣ. Но меня просили повременить отъѣздомъ, такъ какъ азійскій этикетъ требовалъ увѣдомить предварительно Ханъ-Заде о моемъ желаніи и спросить его согласія. Отвѣтъ бека полученъ былъ на слѣдующій день, и я выѣхалъ изъ Андиджана съ такой же почетной свитой, какая сопровождала меня и при вѣѣздѣ въ городъ. Важныя лица бекства проводили меня пять верстъ, а далѣе, до Ассакѣ сопровождали 5 джигитовъ, при офицерѣ.

Въ Ассакѣ я уже не встрѣтилъ того радушія и пріѣтливости, какимъ пользовался въ Андиджанѣ. Квартиру мнѣ отвели не ту, гдѣ я останавливался въ первый мой пріѣздъ, а другую, гораздо хуже. Объ убранствѣ помѣщенія—и помину не было! Чтобы хотя чѣмъ нибудь прикрыть земляной полъ, я послалъ на базаръ купить циновокъ и палласовъ. Впрочемъ ханъ встрѣтилъ меня ласково и остался очень доволенъ привезенными рисунками. Ханъ сообщилъ мнѣ, что въ Коканѣ открылась сильная холера и народъ умираетъ во множествѣ. Узнавъ, что я взялъ съ собою въ Коканъ противухолерныя капли (к. Боткина), ханъ просилъ меня уступить ему хотя немного. Мѣры, которыя ханъ приказалъ принять народу, для предупрежденія заболѣваній холерою, довольно оригинальны: онъ приказалъ не ѣсть фруктовъ, сидѣть на табакѣ и какъ можно болѣе курить опиумъ и табакъ. Извѣстіе, полученное изъ г. Кокана, о смерти Сарымсакъ ходжа-парманачи, тестя хана, еще болѣе усилило его безпокойство.

Я не рассчитываю пробыть долго въ Ассакѣ и постараюсь вернуться поскорѣе въ г. Коканъ, а оттуда—въ Ходжентъ и Ташкентъ.

Г. Кривцовъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ. — Въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

1-го МАЯ № 17. 1872 ГОДА.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ тарифомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

Коканское посольство въ Кашгарѣ.

Въ концѣ минувшаго года отправленъ былъ изъ Кокана въ Кашгарѣ, съ письмомъ и подарками отъ хана къ Якубъ-беку, одинъ изъ важныхъ, сановныхъ лицъ ханства, Сарымсакъ-удайчи. Разсказъ о его пребываніи въ нынѣшней столицѣ Якубъ-бека, Аксу, можетъ быть не безъ интереснымъ, потому что въ немъ весьма рельефно рисуется личность Якубъ-бека. Вотъ разсказъ Сарымсакъ-удайчи, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ записанъ съ его собственныхъ словъ:

«Я видѣлъ Якубъ-бека въ Аксу; онъ сидѣлъ въ небольшой комнатѣ своего дворца и никого при немъ не было. Когда я представилъ письмо отъ хана-Хазрета (коканскій ханъ Худояръ), Якубъ-бекъ, не распечатывая, отеръ этимъ письмомъ лице и глаза, потомъ положилъ письмо на чалму, спросилъ о здоровьѣ хана Хазрета и о томъ: веселъ ли и счастливъ ли его народъ. Якубъ-бекъ увѣрялъ, что онъ очень соскучился, не видя хана; затѣмъ онъ вынулъ письмо изъ чалмы и положилъ за пазуху, на голое тѣло. Якубъ-бекъ говорилъ: «я считаю хана своимъ государемъ и вполне подчиняюсь ему во всемъ. Прислалъ ли мнѣ ханъ какое нибудь приказаніе?» Я замѣтилъ, что при этихъ словахъ на глазахъ Якубъ-бека даже навернулись слезы и подумалъ, что онъ дѣйствительно любитъ хана Хазрета. Я подробно передалъ Якубъ-беку слова хана и перечислилъ всѣ города, въ которыхъ ханъ назначалъ его бекомъ. «Да, да, я считаю себя слугою хана Хазрета,» отвѣчалъ на это Якубъ-бекъ; «я распространяю здѣсь религію, китайскія молебни обращаю въ мечети... Куда бы я ни пришелъ, и какой бы городъ ни взялъ, вездѣ я заставляю народъ молиться, сначала о здоровьѣ хана Хазрета, а потомъ уже о моемъ здоровьѣ.»

Сказавъ это, Якубъ-бекъ всталъ съ мѣста, развязалъ узелъ съ подарками, и надѣвая на меня халатъ, приказалъ подать достарханъ. При этомъ онъ заявилъ, что сегодня же пошлетъ съ нарочными во всѣ города Алтышара приказанія, чтобы беки доставили ему подарки, для отправленія хану. Я продолжалъ говорить Якубъ-беку, что ханъ Хазретъ живетъ теперь мирно и въ большой дружбѣ съ русскими, что русскіе купцы ѣздятъ свободно для торговли и въ Коканъ, и въ Константино-

поль, и что ханъ желаетъ, чтобы русскимъ не было никакого стѣсненія при поѣздкахъ по его владѣнїямъ. Это же самое,—прибавилъ я,—изложено и въ письмѣ хана Хазрета.» Все время, пока я говорилъ, ханъ сидѣлъ, наклонивъ голову, какъ бы въ задумчивости. Онъ ничего не отвѣчалъ мнѣ, только сказалъ: «идите, отдохните; вы устали съ дороги.»

Квартира моя состояла изъ одной небольшой комнатки, въ которой я и прожилъ, послѣ свиданїя моего съ Якубъ-бекомъ, ровно 51 день, никуда не выходя. Наконецъ, на 52-й день прїѣхалъ ко мнѣ посланный отъ Якубъ-бека, чтобы спросить: отчего я нигдѣ не бываю, и даже не хожу въ мечеть? Я отвѣчалъ, что по нашимъ обычаямъ гости никуда не ходятъ безъ приглашенїя и что я удивляюсь здѣшнему обычаю: держать гостей, какъ арестованныхъ. Посланный ушелъ, вѣроятно чтобы доложить хану о моемъ отвѣтѣ, и вскорѣ вмѣсто его явился какой-то вооруженный человекъ, который и пригласилъ меня идти въ мечеть (это было въ пятницу). Я отправился съ нимъ; народъ уже стоялъ на площади, ожидая прибытїя Якубъ-бека. Здѣсь, въ толпѣ, между коканскими купцами помѣстился и я. Вскорѣ прїѣхалъ Якубъ-бекъ и народъ пошелъ въ мечеть; меня помѣстили ближе къ имаму, за рѣшеткою, хотя сначала я и занялъ самое скромное мѣсто, у дверей. Я ничего не разсматривалъ, сидѣлъ смиренно и молился.

Когда моленіе кончилось, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ приближенныхъ Якубъ-бека и спросилъ: «нравится ли мнѣ голосъ имама?» — Что мнѣ было отвѣчать?... Я сказалъ: «да, нравится.» Не успѣлъ еще я выдти изъ мечети, какъ подошелъ ко мнѣ тотъ же самый человекъ, и сказалъ, что Якубъ-бекъ хотѣлъ сегодня же дать мнѣ разрѣшеніе ѣхать обратно, но узнавъ, что мнѣ очень понравился голосъ муллы, разрѣшилъ остаться еще до будущей пятницы. Вѣсть эта была для меня очень непрїятна и я ждалъ слѣдующей пятницы съ большимъ нетерпѣнїемъ. Я сказалъ неправду, увѣряя что голосъ имама мнѣ нравится: имамъ не читаетъ, а поетъ, что закономъ запрещено; но Якубъ-беку это очень нравится, говорилъ мнѣ, что онъ нарочно отбуда-то выписалъ этого пѣвца.

На слѣдующій день, въ субботу пришелъ посланный отъ Якубъ-бека, принесъ весьма дурные подарки и сообщилъ, что Якубъ-бекъ разрѣшаетъ мнѣ ѣхать въ Кашгаръ и тамъ дожидаться подарковъ его и письма къ хану-Хазрету. Я замѣтилъ посланному, что у нихъ, въ Алтышарѣ очень странные обычаи: посланника держатъ долгое время чуть не въ заперти, а потомъ отпускаютъ, не простясь и не сказавъ ему ни одного ласковаго слова.

Я уѣхалъ въ Кашгаръ, и тамъ только черезъ 29 дней получилъ присланное Якубъ-бекомъ отвѣтное письмо къ хану и пять китайскихъ ямбъ. Никакихъ другихъ подарковъ не было. Съ этимъ я и отправился домой.

Якубъ-бека прежде называли *атамык-гази*, т. е. отецъ-завоеватель, а теперь уже называютъ *бадаулетъ*, т. е. счастливый, могущественный. Народъ, какъ говорятъ, его очень не любитъ, но боится, какъ хитраго и весьма суроваго правителя».

И. Ибрагимовъ.

Изъ Кокана (Корресп. Турк. Вид.). Празднества въ Коканѣ, устраиваемыя ханомъ, по случаю обрѣзанїя младшаго и любимаго сына его, Урманбека, кончились наконецъ 3-го апрѣля. Эти праздники продолжались почти 4 мѣсяца (съ 10 декабря). Въ послѣдніе дни праздника, по списку, составленному Исса-ауліе, однимъ изъ важныхъ, сановныхъ лицъ ханства, всѣ должностныя лица, находившіяся въ Коканѣ, поднесли подарки хану. Затѣмъ и ханъ, въ свою очередь, награждалъ каждого лошадейю съ полнымъ приборомъ и халатами.

Въ день послѣдняго, заключительнаго празднества, было, какъ говорятъ, нѣсколько несчастныхъ случаевъ: акробатъ, который ходилъ по канату на площади, предъ ханскимъ дворцомъ, оборвался и едва не убилъ; къ счастью, онъ успѣлъ ухватиться за веревку, протянутую нѣсколько ниже. Во время представленїя, едва не окончившагося такъ несчастно, вышли посмотреть на зрѣлище ханскїя жены и *чури* (невольницы). Конечно, онѣ не смѣшались съ толпою, а помѣстились наверху стѣны. Въ это время одна изъ невольницъ, въ сердцахъ, за что-то назвала свою подругу распутницей. Ханъ, находившійся внизу, у стѣны, услышалъ это и приказалъ тотчасъ же отыскать виновную. Бѣдная дѣвушка, узнавъ о томъ, скрылась изъ ханскаго дворца и ее нашли только на третій день. Оказалось, что она выходя изъ дворца, выпросила у какой-то встрѣчной старухи волосяную сѣтку, чтобы закрыть свое лице, наняла арбакеша и

направилась въ г. Тусъ, гдѣ и была узнана розыскивавшими ее людьми. По просьбѣ своего сына, Урманбека, ханъ простилъ виновную, но всѣ, помогавшіе бѣгству провинившейся невольницы, жестоко пострадали. Арбакешъ, по приказанію хана, зарѣзанъ и трупъ его четыре дня лежалъ на базарѣ; зарѣзанъ также и брошенъ на дорогѣ, безъ погребенїя курбаши (полицейскїй начальникъ) г. Туса. Старуха, снабдившая бѣжавшую невольницу сѣткою, посажена въ яму, а сынъ ея казненъ. Ожидаютъ, что и старуху постигнетъ та же участь, если не вступится за нее добрый Урманбекъ. Изъ невольницъ хана многимъ, по его приказанію, обрваны волосы.

Въ этотъ же день ханъ, по доносу близкихъ ему людей, приказалъ захватить на базарѣ двухъ купцевъ, которые имѣли неосторожность дурно отзываться о своемъ повелителѣ; имъ, въ наказаніе, отрѣзаны уши. По другому доносу, ханъ въ тотъ же день приказалъ арестовать одного изъ жителей, уличеннаго въ преступной связи съ чужою женою. На допросѣ оказалось, что мужъ зналъ объ этой связи и за деньги самъ помогалъ ихъ сближенію. Ханъ приказалъ казнить всѣхъ троихъ и трупы бросить въ яму, наполненными разными нечистотами.

О торгоутахъ, прикочевавшихъ въ Кульджинскій край.

Прикочевавшихъ въ концѣ сентября прошлаго года на Кунгесъ торгоутовъ оказалось, по исчисленію начальника 4-го участка Кульджинскаго раіона, 1368 юртъ, т. е. 1392 души обоего пола. Торгоуты эти есть болѣе богатая скотомъ часть всего племени. Всѣ бѣдные люди (около 2,000 кибитокъ) остались еще около Карашара, на Юлдузѣ, и частію въ Лянь-сянѣ, не имѣя возможности прикочевать въ Илійскій край поздней осенью. Изъ хошотовъ прикочевало на Кунгесъ только 39 юртъ чиновныхъ людей и ихъ прислуги. Прочіе хошоты остались въ долинѣ Ташха, ожидая случая уйти, не будучи ограбленными кашгарцами.

Управляющій за отсутствіемъ находящагося съ 1867 года въ Улясуатъ хана, торгоутами, *гунъ* и другой родовитый торгоутскій сановникъ *бейле* прибыли въ концѣ декабря мѣсяца въ г. Вѣрный, представиться начальнику области и отпущены обратно послѣ новаго года. Торгоуты довольны представленными имъ для кочевокъ и пашень мѣстами по рр. Кунгесу и Текесу. Управляетъ ими, какъ сказано выше, *гунъ*, хотя бейле въ чиновной іерархіи, и занимаетъ высшее мѣсто. Причина этому заключается въ неспособности и ограниченномъ умѣ бейле. Гуну ханъ передъ отбѣздомъ передалъ свою печать, и съ нею—и управленіе народомъ. Какъ управленіе, такъ и бытъ этого племени имѣютъ родовой характеръ. Замѣтно большое вліяніе духовнаго сословія—ламъ, въ число которыхъ каждый отецъ семейства почитаетъ обязанностію отдать одного изъ сынозей.

Помѣщенные въ предъидущемъ М. Т. В. извѣстія о пораженїяхъ, нанесенныхъ китайцамъ въ Лянь-сянѣ, подтверждаются. Предводитель китайцевъ, да-лоэ Шю-ша-гунъ въ началѣ ноября мѣсяца прибылъ съ 500 уцѣлѣвшихъ китайцевъ на развалины Куръ-кара-усу и потребовалъ отъ находящагося въ 10 верстахъ и признающаго нашу власть китайскаго селенїя Шихо провіанта, обязуясь защищать его отъ дунганъ и китайцевъ. Жители Шихо, тревожимые слухами о намѣренїи дунганъ напасть на нихъ, исполнили требованіе Шю-ша-гуна. Пребываніе этой личности съ своею шайкою на пути изъ Кульджи въ Манасъ грозитъ столь серьезною опасностію начинающимся торговымъ сношенїямъ нашимъ съ дунганями, что признано было необходимымъ командировать въ Шихо начальника 2-го участка, есаула Герасимова, съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ всѣ средства для удаленїя Шю-ша-гуна, предложивъ ему удалиться куда угодно внѣ нашихъ владѣній, или поселиться въ Кульджѣ между своими соотечественниками.

Извѣстія о караванѣ, отправленномъ въ Урумчи.

Прибывшій 5-го ноября въ Шихо и задержанный тамъ дунганинъ оказался посланнымъ отъ манасинскаго янша на встрѣчу каравана Кузнецова, вслѣдствіе предупреждавшихъ о приходѣ этого каравана писемъ. Въ письмѣ, посланномъ съ этимъ дунганиномъ на имя жителей Шихо, янша извѣщаетъ, что посланные Семирѣченскимъ губернаторомъ съ письмами о свободной торговлѣ дунгане отправлены имъ въ Урумчи. Далѣе янша проситъ жителей Шихо, чтобы они не грабили каравановъ и пропускали торговцевъ изъ Манаса въ Кульджу и обратно.

О пропускѣ этого посланца въ Кульджу было предписано начальнику въ Шихо, не-

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ.—Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ.—Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ. — Въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВѢДОМОСТИ.

13го МАРТА

№ 11.

1872 ГОДА.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

45
Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

ИЗЪ КОКАНА.

(Корреспонденція «Туркест. Вѣдомостей»).

26-го числа февраля, въ 11½ час. вечера, Коканъ подвергся сильному землетрясенію. Подземный толчокъ былъ такъ чувствителенъ, что положительно разбудилъ всѣхъ спавшихъ. Коканскій сарбазъ (солдатъ), стоявшій на часахъ у нашей квартиры и уснувшій, отъ сильнаго толчка соскочилъ съ мѣста. Хозяинъ занимаемой нами квартиры разеказывалъ, что семейство его до такой степени было испугано, что, собравшись въ кучку вдали отъ строеній, долго не рѣшалось войти въ домъ и ждало другаго толчка.

Погода въ Коканѣ стоитъ великолѣпная; по улицамъ уже пыльно. — Праздникъ, устроенный коканскимъ ханомъ по случаю обрѣзанія младшаго его сына, начавшись 10-го декабря прошлаго года, все еще продолжается. Худояръ-ханъ каждый день ѣздитъ за городъ, на томашу (**), и присутствуетъ тамъ съ утра до заката солнца. На гуляньѣ этомъ поставлено для него нѣсколько киргизскихъ кибитокъ. На томашѣ бываетъ обыкновенно скачка лошадей, драка верблюдовъ, борьба людей и

(*) Прошлаго года.

(**) Томаша — народное гулянье.

скачка съ баранами, извѣстная у насъ подъ названіемъ «рвать козла». Вечеромъ, каждый день, бываетъ томаша въ другомъ родѣ: на площади, предъ ханскимъ дворцомъ, пляшутъ мальчики—*батчи*, въ легкихъ, раскрашенныхъ костюмахъ. Ханъ сидитъ въ это время на террасѣ, у воротъ дворца, предъ дверью двухъ небольшихъ комнатъ, гдѣ обыкновенно готовится для него чай. Нѣсколько батчей, шеренгами, подходятъ близко къ хану: одинъ изъ нихъ что-то напѣваетъ ему, а двое подтягиваютъ. . . ; затѣмъ, сдѣлавъ предъ ханомъ нѣсколько круговъ, батчи отвѣщаютъ ему низкій поклонъ и уходятъ на свои мѣста. Отходя отъ хана, батчи проходятъ мимо зрителей, сидящихъ на корточкахъ кругомъ площади. На пляску батчей собирается публики счень много; увеселенія продолжаются иногда до часа ночи, а иногда кончаются въ 10 час. вечера,—это зависитъ отъ расположенія хана. Вечеръ заканчивается фейерверкомъ.

Каждый коканскій бекъ, по приказанію хана, долженъ былъ устроить на свой счетъ, въ ознаменованіе праздника или въ честь ханскаго сына Урманъ-бека, скачку лошадей съ призами. При насъ устроена была одна большая скачка, называемая «кунапайгя», братомъ хана Султанъ-Мурадъ-бекомъ. Съ вечера лошади отправлены были на ночлегъ за 4 таша, т. е. за 32 версты отъ сборнаго мѣста. Оттуда онѣ пущены были въ 12 часовъ и проскакали пространство въ 32 версты въ одинъ часъ и двѣ минуты. Призами назначены были: мальчикъ лѣтъ 16—17, дѣвочка лѣтъ 13—14 (оба—рабы), два верблюда, великолѣпная изъ красной фланели кибитка, со всѣми принадлежностями, китайская большая ямба, лошади, халаты и разныя вещи. Стоимость призовъ, какъ говорили намъ, простиралась до 2 тыс. руб. Призы заготовлены были на 40 лошадей. Первые три приза взяли ханскія лошади.

Въ Коканѣ стоятъ слѣдующія цѣны: батманъ ячменя — 4 р. 40 коп., 100 сноповъ клевера — 3 руб. 85 коп., батманъ джугары—3 р. 20 к., пудъ сахару—11 р., пудъ рису — 1 руб. 25 коп., пудъ муки—1 р. 20 коп.

И. Ибрагимовъ.

Коканъ. 3-го марта, 1872 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. Ѳ. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ — Въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪ ДОМОСТИ.

7го ФЕВРАЛЯ

№ 6.

1872 ГОДА.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемые на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкой на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

25
Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во все города Имперіи и съ доставкой на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — $\frac{1}{4}$ к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — $\frac{1}{2}$ к. с. за букву, и т. д.

раздо большею свободою, чѣмъ у солонвь. Дѣвочки ихъ росли на вольномъ просторѣ. Степь, стада овецъ и козъ, пастушеская жизнь,—вотъ тѣ условія, среди которыхъ прошло дѣтство калмыцкой дѣвочки. Правда, ее выдавали замужъ въ раннемъ возрастѣ, иногда безъ ея согласія, и за челоуѣка нелюбимаго, но изъ этого положенія калмычка имѣла выходъ: послѣ замужества она могла уйти отъ мужа обратно къ своимъ родителямъ и снова потомъ выйти замужъ за другаго. При сватовствѣ калмычекъ существуетъ слѣдующій обычай: если дѣвушка уходитъ изъ юрты въ то время, когда придутъ сватать ее, это значитъ, что женихъ ей нравится; оставаясь же въ юртѣ во время сватовства, она выражаетъ этимъ нелюбовь къ своему жениху. Не смотря на возможность уйти отъ мужа послѣ свадьбы, родители невесты, которой не нравится женихъ, все-таки про-сватывали ее, но такую невесту женихъ долженъ, по обычаю, подкараулить гдѣ нибудь и увезти насильно. Послѣ смерти мужа, калмычка можетъ выйти замужъ вторично, чрезъ три мѣсяца и даже чрезъ мѣсяць.

Калмычки любятъ пѣть пѣсни; хоровыя пѣсни онѣ поютъ вмѣстѣ съ мужчинами.

Послѣ родовъ, въ теченіи мѣсяца, калмычка считалась нечистою. Дѣтство женщинъ и мужчинъ признается у калмыковъ добродѣтельною; на этомъ основаніи существовали у нихъ мужскіе и женскіе монастыри.

Миссіонеръ-священникъ В. Покровскій.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ТАШКЕНТѢ СЫНА КОКАНСКАГО ХАНА.

Дружественныя отношенія наши къ коканскому ханству, установившіяся со времени пріѣзда въ край г. Туркестанскаго генераль-губернатора, вызвали постоянное пребываніе въ Ташкентѣ, со второй половины 1869 года, довѣреннаго отъ коканскаго хана—Мирзы-Хакимъ-Датхи. Съ тѣхъ поръ ни одинъ вопросъ, касавшійся отношеній нашихъ къ коканскому хану Худояръ-хану,—вызывался ли онъ потребностями торговыми или промышленными, возникалъ-ли изъ необходимости изученія прилежащихъ къ ханству странъ въ научномъ отношеніи, или же обуславливался цѣлями дипломатическими,—не былъ рѣшаемъ безъ участія коканскаго посланника. Эти же дружественныя отношенія побудили коканскаго хана, въ видахъ еще большаго закрѣпленія между нами и управляемой имъ страной уже существующей связи, прислать старшаго своего сына, правителя Анджана и наследника всего ханства—Сейдъ-Мугамеда Насрединъ-бека, къ г. главному начальнику края, для изъясненія Его Высокопревосходительству признательности за то положеніе, въ которое поставлено теперь коканское ханство и коканскій народъ по отношенію къ Россіи.

Опишемъ побѣдку Хана-Заде отъ границъ Туркестанскаго генераль-губернаторства до Ташкента.

Первый русскій городъ, встрѣтившій Хана Заде въ своихъ стѣнахъ, былъ Ходжентъ, куда онъ прибылъ 25-го мѣсяца января, въ сопровожденіи первыхъ двухъ сановниковъ коканскаго ханства и совѣтниковъ Худояръ-хана: Муллы Мугаметъ-Иссы (бекъ Шарихана и Ассаке) и Муллы Турды-Али и свиты изъ 300 челоуѣкъ. Въ Ходжентѣ Ханъ-Заде встрѣченъ былъ начальникомъ узда и всеми служащими здѣсь военными и гражданскими чинами. Переночевавъ въ Ходжентѣ, въ нарочно приготовленной для него квартирѣ, Ханъ Заде, 26-го января, въ 8 часовъ утра, отправился далѣе, чрезъ Кураминскій уздъ, на границъ котораго встрѣтилъ его узднй начальникъ, вмѣстѣ съ почетными людьми Кураминскаго узда. При свиданіи съ послѣдними, Ханъ-Заде одарилъ многихъ изъ нихъ, по восточному обычаю, халатами и лошадьми. На Куйлюкѣ, стоящемъ отъ Ташкента въ 8-ми верст., куда Ханъ-Заде прибылъ 27-го января, ему посланъ былъ на встрѣчу собственный конвой г. главнаго начальника края, состоящій изъ 100 челоуѣкъ казаковъ. Туда-же высланы были троечныя сани, на которыхъ Ханъ-Заде, съ сановниками коканскаго ханства, въ сопровожденіи своей свиты и русскаго конвоя, добѣжалъ до р. Салара. На Куйлюкѣ же онъ былъ встрѣченъ, отъ имени г. генераль-губернатора, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ К. В. Струве, посѣщавшимъ Коканъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1870 года и хорошо знакомымъ съ Ханомъ Заде. Встрѣча Хана-Заде съ К. В. Струве доставила первому, какъ онъ выразился, весьма большое удовольствіе. Выйди изъ тарантаса, Ханъ-Заде нашлся чаю и потомъ принялъ отъ К. В. Струве привезенное для него, по восточному обычаю, угощеніе. На Саларѣ, въ 2 верст. отъ Ташкента, Ханъ-Заде встрѣченъ былъ начальникомъ города Ташкента, который сопровождалъ его потомъ до самой квартиры въ городъ, до

которой отъ Салара Ханъ-Заде бѣжалъ уже верхомъ.

Во всѣхъ русскіихъ городахъ и селеніяхъ, лежащихъ на пути изъ Кокана, въ Ташкентѣ, гдѣ находятся представители русскаго администратіи, Хану-Заде дѣлаемы были, по приказанію г. главнаго начальника края, торжественныя встрѣчи, оставившія въ немъ самое пріятное впечатленіе. Русское населеніе г. Ташкента до сихъ поръ не имѣло случая видѣть такой торжественной встрѣчи, какая сдѣлана была сыну дружественнаго соседа нашего: кромѣ огромнаго числа сартовъ, собравшихся посмотреть на встрѣчу русскими—сына бывшего своего повелителя, поражала глазъ совершенно восточная обстановка възда—простотой и разноцвѣтностью костюмовъ, въ которые одѣта была свита Ханъ-Заде.

На другой день по пріѣздѣ въ Ташкентъ, 28-го января, Ханъ-Заде принять былъ г. генераль-губернаторомъ, въ торжественной аудіенціи, въ присутствіи всѣхъ служащихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ. Въ залѣ генераль-губернаторскаго дома, куда онъ вошелъ съ своими спутниками и тѣлохранителями, онъ былъ принятъ генераль-губернаторомъ, стоявшимъ у портрета Его Величества. Его Высокопревосходительство изволилъ обратиться къ нему съ словами: «прошло ровно четыре года съ тѣхъ поръ, какъ я заключилъ мирный трактатъ съ коканскимъ ханомъ. Въ теченіи этого времени высокоестественный ханъ и отецъ Вашъ доказалъ, что онъ вѣренъ своему ханскому слову и что онъ понимаетъ пользу своего народа; онъ понялъ, что Августѣйшій Государь, мой повелитель, желаетъ добра своимъ сосѣдямъ. Пріѣздъ Вашъ сюда доказываетъ, что Вы хорошій сынъ своему отцу и вѣрный слуга своему государю; да послужитъ онъ къ укрѣпленію дружбы нашей».

Послѣ торжественнаго пріема въ залѣ, Ханъ-Заде приглашенъ былъ во внутренніе покои, съ нѣкоторыми изъ сопровождавшихъ его коканскихъ сановниковъ и представителей нашей военной и гражданской администратіи. Чрезъ часъ послѣ пріема Хана-Заде, г. генераль-губернаторъ изволилъ возвратитъ визитъ ему, въ сопровожденіи военнаго губернатора, правителя канцеляріи своей и нѣкоторыхъ изъ приближенныхъ лицъ.

29-го января, Ханъ-Заде поднесъ г. генераль-губернатору, по восточному обычаю, подарки отъ родителя своего, коканскаго хана Худояръ-хана.

30-го января, Ханъ-Заде былъ принять супругою г. генераль-губернатора, въ присутствіи Его Высокопревосходительства и въ кругу русскаго ташкентскаго дамскаго общества.

Того же дня, Ханъ-Заде сдѣлалъ визиты: военному губернатору сыр-дарьинской области и правителю канцеляріи г. генераль-губернатора.

1-го февраля, онъ былъ приглашенъ осмотрѣть расположеніе саперной роты, гдѣ ему показаны были магнитные и гальваническіе опыты съ малыми взрывами въ водѣ и въ грунтѣ, а отсюда онъ побѣжалъ къ казармамъ 2-го стрѣльцоваго баталіона, гдѣ производились въ его присутствіи гимнастическія упражненія нижнихъ чиновъ. Къ этому времени изволилъ пріѣхать сюда г. командующій войсками округа. По окончаніи ученія, Его Высокопревосходительство приказалъ протрубить тревогу. Всѣ находящіеся въ Ташкентѣ части войскъ собрались на шоссе, ведущемъ къ ярмаркѣ. Обѣжавъ войска, въ сопровожденіи Хана-Заде и многочисленной свиты, г. командующій войсками пропустилъ ихъ церемоніальнымъ маршемъ, при чемъ нѣкоторыя части шли бѣгомъ.

2-го февраля, Ханъ-Заде ѣздилъ на нашъ молодой конскій заводъ, гдѣ ему подведена была лошадь съ наряднымъ уборомъ. Всѣ гости бѣжали на заводъ въ троечныя сани, по прекрасному санному пути.

О дальнѣйшемъ пребываніи Сейдъ-Мугамеда Насрединъ-бека въ Ташкентѣ и о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ перваго знакомства съ русскою жизнью и нашими порядками, мы расскажемъ въ слѣдующемъ номерѣ «Туркест. Вѣдомъ».

Объ открытіи въ Ташкентѣ маслобойнаго завода.

Проживающій въ Ташкентѣ провизоръ І. И. Краузе устроилъ за рѣчкою Чавли, рядомъ съ управленіемъ начальника Кураминскаго узда, и открылъ на дняхъ русскій маслобойный заводъ, выдѣлывающій, необходимыя для пищи и другихъ потребностей, масла: орѣховое, кунжутное, маковое, подсолнечное, льняное, кагорцовое и дынное. Фабрикуемыя на заводѣ г. Краузе масла отличаются чистою выдѣлки и пріятнымъ вкусомъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ кунжутное масло, имѣющее чистый, желтый цвѣтъ, подходящий къ цвѣту орѣховаго масла. Русское населеніе г. Ташкента, покупающее кунжутное масло на сартовскихъ заводахъ, считаетъ его негоднымъ къ употребленію въ пищу, по дурному качеству и нечистотѣ выдѣлки. Кунжутное же масло

ТУРКЕСТАНСКІЯ

ВЪДОМОСТИ.

15го ФЕВРАЛЯ № 7. 1872 ГОДА.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Ташкентѣ. — Въ Конторѣ редакціи, (противъ Окружнаго Штаба, д. Логинова).

Въ С.-Петербургѣ. — Въ книжныхъ магазинахъ А. О. Базунова и С. В. Звонарева.

Въ Москвѣ. — Въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Въ Оренбургѣ. — Въ книжномъ магазинѣ Шаниной.

Цѣна за ПРИЛОЖЕНІЯ, издаваемыя на мѣстныхъ азіятскихъ нарѣчіяхъ, — 2 р. с.; съ пересылкою и доставкою на домъ въ Ташкентѣ 2 р. 30 к. с.

Цѣна за годовое изданіе 7 руб.

сер. съ пересылкою во всѣ города Имперіи и съ доставкою на домъ въ Ташкентѣ.

Плата за объявленія обыкновеннымъ шрифтомъ — 1/4 к. с. за букву, шрифтомъ двойной величины — 1/2 к. с. за букву, и т. д.

трѣ русскаго Ташкента, у базара.. Кончѣнь многотрудный переѣздъ на почтовыхъ отъ волжскаго пристани Самары до средне-азіятскаго Ташкента!

Н. М.—въ.

ПРЕБЫВАНИЕ ВЪ ТАШКЕНТѢ СЫНА КОКАНСКАГО ХАНА И ОТЪѢЗДЪ ЕГО.

Въ 6 № Туркест. Вѣдом., говоря о пребываніи въ Ташкентѣ старшаго сына коканскаго хана — правителя Андиджана Сеидъ-Мугамеда Насрединъ-бека, мы общіи рассказали о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ перваго знакомства съ русской жизнью и нашими порядками.

Послѣ посѣщенія Ханомъ-Заде, 2-го февраля, устроеннаго въ 30 верстахъ отъ Ташкента, конскаго завода, гдѣ ему подведена была нарядно-убранная лошадь и гдѣ, по совѣту коканскаго посланника Мирзы Хакимъ-Дадхи, онъ одарилъ прислугу завода неизчислимыми средне-азіятскими подарками — халатами, — Ханъ-Заде приглашенъ былъ, 3-го февраля, осмотрѣть здѣшній арсеналь и хранящіеся въ немъ запасы разнаго рода оружія. Въ арсеналь ему особенно понравился токарный станокъ для деревянныхъ и металлическихъ работъ. Посѣтивъ арсеналь, Ханъ-Заде отправился въ фейерверкерскую школу, гдѣ особенное вниманіе обращено было имъ на нартзныя орудія.

4-го февраля, по случаю легкаго нездоровья, Ханъ-Заде никуда изъ дому не выѣзжалъ и принималъ къ себѣ двухъ докторовъ, посланныхъ къ нему г. генераль-губернаторомъ.

5-го февраля, у Хама-Заде былъ обѣдъ, на который, кромѣ г. генераль-губернатора, приглашены были до 70 человекъ изъ служащихъ въ Ташкентѣ по военному и гражданскому вѣдомствамъ. Первый тостъ за обѣдомъ провозглашенъ былъ самимъ Ханомъ-Заде, по русски, за Государя Императора. Потомъ провозглашены были тосты: Ханомъ-Заде и коканскимъ посланникомъ — за здоровье г. генераль-губернатора, а Его Высокопревосходительствомъ — за коканскаго хана Худояръ-хана и старшаго его сына.

8-го февраля, въ домѣ г. генераль-губернатора, Ханъ-Заде, въ присутствіи Его Высокопревосходительства, разсматривалъ карты разныхъ мѣстностей Туркестанскаго края, снятыя чинами военно-топографическаго отдѣла Туркестанскаго военнаго округа. При этомъ Его Высокопревосходительство изволилъ разъяснить Хану-Заде какъ способы нанесенія мѣстности на бумагу, такъ и вообще значеніе топографическихъ картъ въ научномъ и другихъ отношеніяхъ. Топографическія работы возбуждали въ Ханъ-Заде большой интересъ.

9-го февраля, въ сопровожденіи коканскаго посланника Мирзы Хакимъ-Датхи и двухъ коканскихъ сановниковъ, о которыхъ мы говорили прежде, Ханъ-Заде отправился въ фотографію и просилъ снять съ него фотографическій портретъ. Когда ему показанъ былъ фотографомъ первый снимокъ, онъ крайне удивлялся искусству — передавать бумагой изображеніе человѣческаго лица. По предложенію сопровождавшихъ его лицъ, Ханъ-Заде подробно разсматривалъ всѣ фотографическія принадлежности. Послѣ нѣсколькихъ снимковъ Хама-Заде въ разныхъ позахъ, сняты были въ группѣ: онъ, коканскій посланникъ и два коканскихъ сановника.

10-го февраля, Ханъ-Заде посѣщалъ военно-топографическій отдѣлъ и типографію Окружнаго Штаба. Разсмотрѣвъ въ Отдѣлѣ глобусъ и выслушавъ объясненіе, что земля кругла какъ шаръ, Ханъ-Заде съ недоумѣніемъ отнесся къ этому. Потомъ онъ сильно заинтересованъ былъ увеличительнымъ стекломъ, чрезъ которое разсматривались насѣкомыхъ, имдель горъ. Любуясь послѣднею, онъ спрашивалъ: гдѣ Ташкентъ, Коканъ и проч. Въ литографіи была изготовлена, въ присутствіи Хама-Заде, замятка на сартовскомъ языкѣ о посѣщеніи имъ военно-топографическаго Отдѣла и, при немъ же, написана на камнѣ. Заинтересованный этимъ, онъ просилъ дать ему нѣсколько экземпляровъ литографированной замятки для представленія своему отцу. Въ типографіи Окружнаго Штаба, Хану-Заде показана была скоропечатная машина и при немъ же набрана была, сартовскимъ шрифтомъ, замятка о посѣщеніи имъ типографіи. Прочитавъ ее, Ханъ-Заде просилъ добавить въ замятку, что за ознакомленіе его со способомъ печатанія «онъ благодаритъ». Оттиски пополненной замятки онъ взялъ съ собою въ Коканъ.

Вообще, время пребыванія своего въ Ташкентѣ, Ханъ-Заде, благодаря постоянной заботливости о немъ г. главнаго начальника края и вниманію, оказанному ему представителями военной и гражданской администраціи, проводилъ легко и весело и всѣмъ виднымъ остался чрезвычайно доволенъ. Какъ житель востока, чувствующій, думающій и смотрящій на вещи съ своей, совершенно своеобразной точки зрѣнія, Ханъ-Заде многимъ изъ европейскихъ обычаевъ и понятій конечно удивлялся, многого не понималъ и многому изъ

того, что ему рассказывали, не повѣрилъ, даже многое изъ видѣннаго показалось ему, можетъ быть, смѣшнымъ и невѣроятнымъ, — но мы не можемъ сказать, чтобы къ чему нибудь онъ отнесся антипатично, по-азіятски: совершенно напротивъ, многія вещи, возбуждивъ въ немъ удивленіе, такъ заинтересовали его, что онъ захотѣлъ познакомиться съ ними своихъ соотчичей... Незнакомый съ европейскими женщинами, а съ азіятками знакомый лишь по гарему, Ханъ-Заде очень интересовался нашими дамами: нѣкоторые такъ ему понравились, что, предъ вечерами у г. генераль-губернатора и г. военного губернатора, на которые Ханъ-Заде былъ приглашенъ, онъ держалъ съ находившимися при немъ коканскими сановниками пари: будетъ ли такая-то дама на вечерѣ или не будетъ. Обѣдая вмѣстѣ съ русскими офицерами, или у себя дома, или же въ гостяхъ, Ханъ-Заде постоянно удивлялся способности нашей — вести за столомъ немолкаемый разговоръ, говорить и нужное и ненужное, смѣяться... Въ Коканѣ онъ привыкъ, по его собственному выраженію, разговаривать и слышать разговоры только о томъ, что нужно. — Въ вартирѣ, которую занималъ Ханъ-Заде въ домѣ коканскаго посланника, очень часто играла музыка. Мотивы русскихъ пѣсенъ, совершенно не похожіе на тѣ, дикіе для европейскаго слуха, звуки, къ которымъ онъ съ дѣтства привыкъ на своей родинѣ и съ которыми мы познакомились въ Зингатахъ, во время ежегодно совершаемаго тамъ сартовскаго празднества, — сначала не производили на него никакого впечатлѣнія; но потомъ, когда Ханъ-Заде по немногу привыкъ къ нимъ, музыка наша начала ему нравиться; подъ конецъ, онъ даже съ восторгомъ слушалъ одну русскую пѣсню и постоянно спрашивалъ, скоро ли будутъ играть ее. Пѣсня эта:

Ахъ, жги; жги, говори, рукавички барановы,
За нихъ денежки издаваны...

— Когда же наконецъ будутъ играть: жги-жги? обращался Ханъ-Заде съ вопросами къ нашему переводчику...

Хану-Заде, знакомому съ военными дѣйствіями европ. йцевъ по завоеваніямъ нашимъ въ Средней Азій, рассказывали о франко-прусской войнѣ, силѣ прусскаго оружія, о числѣ убитыхъ, осажденіи Парижа и способахъ сообщеній залертой столицы Франціи съ своими войсками: посредствомъ воздушныхъ шаровъ и голубиной почты. Рассказамъ о шарахъ и голубяхъ онъ очень удивлялся...

Назадъ тому дѣй пять, Ханъ-Заде получилъ отъ своего отца письмо, въ которомъ коканскій ханъ просилъ его посѣтить прѣздомъ въ Коканъ, на праздникъ по случаю обрѣзанія младшему своему сыну.

13-го сего февраля, въ воскресенье, простившись съ г. генераль-губернаторомъ, г. военнымъ губернаторомъ сыр-дарьинской области и другими представителями нашей военной и гражданской администраціи, Ханъ-Заде выѣхалъ изъ Ташкента въ Коканъ, въ сопровожденіи бывшихъ съ нимъ сановниковъ коканскаго ханства, свиты своей и коканскаго посланника Мирзы Хакимъ-Датхи. До Кокана Хама-Заде сопровождаютъ, по приказанію г. генераль-губернатора, войсковой старшина Бергъ и переводчикъ канцеляріи Его Высокопревосходительства г. Ибрагимовъ.

СВѣДѢНІЯ ИЗЪ ТАШКЕНТСКОЙ ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ.

Анализъ воды Аральскаго моря.

Вода взята была вблизи станціи Акъ-Джуднасъ, недалеко отъ берега, въ небольшой глубинѣ, во второй половинѣ іюля мѣсяца 1871 года, и въ количествѣ двухъ бутылокъ представлена въ лабораторію для анализа.

Въ 1,000 части процѣженной воды найдено:

Хлористаго натра	6,7087,
— — магнеія	0,450,
Сѣрнистой магнезіи	3,135,
— — извести	1,933,
Кремневои кислоты	0,677,
Глинозема	0,007,
	12,9107.

Удѣльный вѣсъ воды при 14° Ц. = 1,0106.

Не имѣя воды въ требуемомъ, для полнаго анализа, количествѣ, результатъ могъ получиться точнымъ только въ опредѣленіи ея главнѣйшихъ составныхъ частей, и изслѣдованіе растворенныхъ въ водѣ газовъ, а равно и опредѣленіе содержащихся въ наименьшемъ количествѣ веществъ, не могли быть произведены.

По количественному содержанію солей, эта вода не годна для питья, и можно ее причислить къ морской водѣ, хотя въ послѣдней количество растворенныхъ солей превышаетъ количество, найденное въ этой водѣ, почти въ три раза; такъ на примѣръ въ водѣ Атлантическаго и Тихаго океановъ содержится ихъ до 40 ч. въ 1,000 ч. воды.